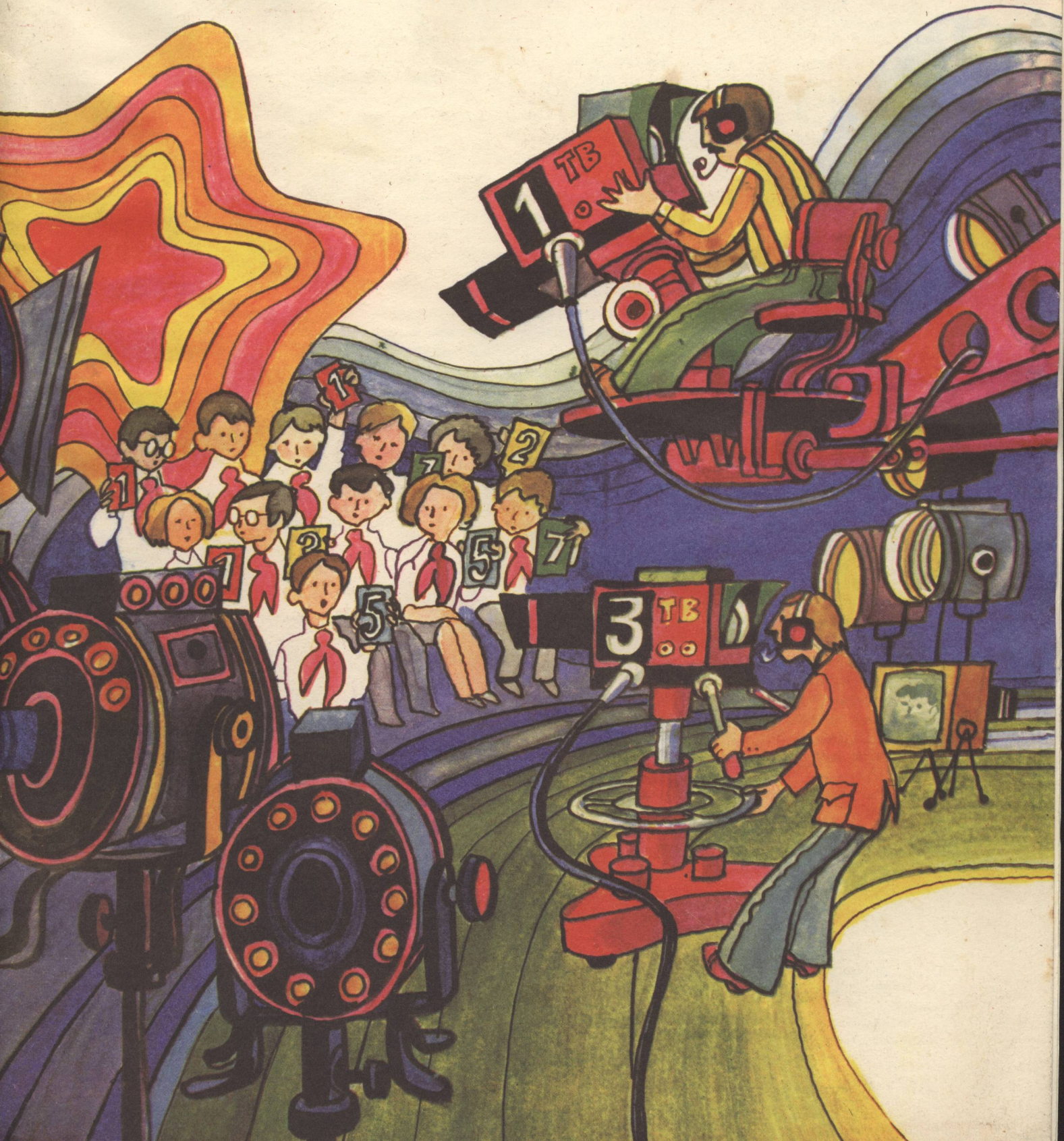

КОСТЁР

6 ИЮНЬ 1977

КОСТЁР

6

ИЮНЬ

1977

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© „Костёр“, 1977 г.

ЛЕТО В КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ

Наступило лето, долгожданное, любимое! И еще можно сказать — особенное: праздничное, фестивальное.

Именно этим летом, в год 60-й годовщины Великого Октября, пройдет в нашей стране первый международный детский фестиваль «Пусть всегда будет солнце!». Тысячи зарубежных гостей — и детей, и взрослых — придут к нам в гости, на нашу советскую землю. И ты, конечно, ощутишь еще раз гордость за Родину, за ее справедливость, силу и твердость в защите мира во всем мире.

В июньском номере журнала есть документальный рассказ «Все лучшее — детям!». Наверное, и тебя он заставит задуматься, как ты живешь в юбилейном году, как ты лично участвуешь в марше «Идем дорогой Ленина, дорогой Октября!».

Всесоюзный марш продолжается и летом. Многие отряды пройдут по маршруту «Моя Родина — СССР». Красные следопыты продолжат сбор-поиск «Флаг „Авроры“», встретятся с ветеранами революции, войны и труда, ударниками десятой пятилетки, коммунистами и комсомольцами. В пионерском лагере, у костра, конечно же, завяжутся душевные, неторопливые разговоры о жизни. Приучайся думать, доказательно спорить, занимать активную позицию!

Лето позволит тебе проверить свои силы в спорте. В туристском походе ты обогатишь свое представление о родном крае!

Гостеприимно распахнет тебе двери пионерский лагерь, но не забывай хорошую традицию: еще до торжественного открытия лагеря поработать на его территории. Ведь можно расчистить и подмести дорожки, подготовить к соревнованиям стадион. Трудовые десанты этим летом надо провести и в честь фестиваля. Фестиваль пройдет не только в Артеке, а в каждом пионерском коллективе. Загляни на последнюю страницу журнала: художники дают тебе совет, как празднично украсить лагерь, придать ему фестивальный вид.

Продолжится Всесоюзная операция «Зернышко». И ты можешь принять участие во всенародной борьбе за урожай. Прочти на страницах «Костра» Обращение ко всем пионерам. Оно напечатано рядом с фоторассказом «Хлеб — всему голова!».

Нетерпеливо ждали лета. Оно пришло, и не обманет твоих надежд, будет веселым, интересным, богатым, если ты сам захочешь этого!

Рисунок А. Ивашенцевой

1 июня — Международный день защиты детей

„ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ!“

По предложению Ленинского комсомола, Комитета молодежных организаций СССР, Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина в Советском Союзе будет проходить международный детский фестиваль «Пусть всегда будет солнце!».

Юное поколение в нашей стране окружено большой заботой, а призыв «Все лучшее — детям!» стал одним из главных законов жизни всего советского общества.

В последние годы в мире произошли значительные перемены. Примером важнейших завоеваний прогрессивных и демократических сил мира являются героическая победа народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи; крушение португальской колониальной империи в Африке, падение фашистских диктатур в Греции и Португалии; успехи национально-освободительного движения в Африке, Азии, Латинской Америке.

Успешное проведение в Хельсинки Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе имеет важное историческое значение для судеб всего мира.

Вместе с тем империалистические силы не успокаиваются, всячески препятствуют борьбе народов за освобождение и социальный прогресс.

По-прежнему во многих районах земного шара не выполняется Декларация Организации Объединенных Наций о правах ребенка. Дети страдают от нищеты, голода, болезней.

Мы призываем всех людей доброй воли активизировать совместные действия в борьбе за мир, за социальный прогресс и права детей.

В настоящее время одну четвертую часть населения земного шара составляют дети. В их руки старшие поколения передают все, что сделано умом и гением человечества.

И от того, какое воспитание и образование они получат, с каким багажом придут на смену старшим, во многом будет зависеть будущее каждой страны.

Мы обращаемся ко всем друзьям детей развернуть активную совместную деятельность за обеспечение юному поколению необходимых условий для всестороннего умственного и физического развития, за предоставление каждому ребенку равных прав на образование, отдых и медицинское обслуживание, за обеспечение воспитания подрастающего поколения в духе мира и дружбы, солидарности и международного сотрудничества.

Международный детский фестиваль «Пусть всегда будет солнце!» должен стать встречей детей мира, событием исключительной важности для юного поколения, для детских и юношеских организаций всех стран и континентов, для всех друзей детей планеты.

Мы, участники международной консультативной встречи, обращаемся ко всем людям доброй воли с призывом развернуть активную подготовку к международному детскому фестивалю «Пусть всегда будет солнце!».

Да здравствует международный детский фестиваль!

(Из обращения участников международной консультативной встречи в Москве)

«ВСЕ ЛУЧШЕЕ,
ЧТО У НАС ЕСТЬ,—
ДЕТЯМ!»

В. И. Ленин

Отметки о		
Январь Конт. № Пов. сбор.	Февраль Конт. № Пов. сбор.	И
Май Конт. № Пов. сбор.	Июнь Конт. № Пов. сбор.	И
Сентябрь Конт. № Пов. сбор.	Октябрь Конт. № Пов. сбор.	И

Друг Детей.
КОМИССИЯ ПОМОЩИ ДЕТЯМ.

Членский билет № 1 общества „Друг детей“ был выдан Владимиру Ильичу Ленину

РОССИЙСКАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕПУБЛИКА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СОВЕТА
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.

Тов. Басин,

Москва, Кремль

Прошу Вас передать мою благодарность Тридцатому Полку Красных Коммунаров Туркестанского фронта за присланные мажораны и муку, которые передали мною детям гор. Москвы.

Председатель Совета Народных Комиссаров: *В.И. Ленин*

Гражданская война. Молодая Советская республика истекает кровью, отбиваясь от многочисленных врагов. Не хватает хлеба, топлива, царит разруха. Но Владимир Ильич Ленин, большевики в это суровое время не забывают о детях.

«Принимая во внимание тяжелые условия жизни в стране и лежащую на революционной власти обязанность сберечь в опасное, переходное время подрастающее поколение, Совет Народных Комиссаров настоящим декретом утверждает особый Совет Защиты Детей...»

Из декрета об учреждении
Совета защиты детей,
4 февраля 1919 г.

«С волнением вхожу в кабинет Ильича. Он... говорит:

— Вам надо принять участие в организации дошкольного дела в стране...

...Я растерялась. Никто, ни у нас в России и нигде за границей... о таком не слыхивал. И потом — в стране тяжелое положение, нищета, голод, война...

— Да, — говорит он, — ...очень трудно. Но ведь все, что мы делали до сих пор, делаем сейчас, — революция, пролитая кровь, — ведь все это... для наших детей. Им довершать начатое, им строить коммунизм...

И тут же стал развертывать свою программу создания первых в стране детских садов и детских домов.

— Детей, — сказал он, — надо начинать воспитывать в коллективе с самых малых лет. Это важно, необычайно важно... Это самое главное.

— Владимир Ильич, — пробовала я возразить... — Ведь меня никто этому не учил, у меня нет опыта.

Ленин в ответ усмехнулся... и ответил, глядя на меня с хитрецой в глазах:

— Скажу вам по секрету: меня тоже никто не учил управлять государством. У меня тоже еще не было такого опыта... Беритесь за дело смелей. А мы вам поможем. — И, проводив до дверей кабинета, добавил: — Помните: все лучшее, что у нас есть, — детям!...»

Д. ЛАЗУРКИНА

«У нас в деревне все тебя зовут „наш Ильич“, и мы тебя так будем звать. Может, это нехорошо, так ты нас не ругай. Наши мужики повезли тебе дрова. Топи хорошенько, не зябни, еще привезем. Когда я озябну, я влезаю на печь, а у тебя, говорят, такой печки нет. Так жарь сильнее „голландку“... Пришли нам по поклону.

Крестьянин деревни Деденева
Петр ДУГАНОВ.

Мне скоро десять лет. К весне мне мамка сошьет шлем с красной звездой».

«...Несчастьем, не меньшим, чем разруха, была детская беспризорность... Дзержинский, зорким глазом проникающий во все области жизни страны, и здесь подоспел со своей поддержкой и помощью.

После разговора с Ильичем он заявил в Наркомпросе:

«Я хочу бросить некоторую часть своих личных сил, а главное, сил ВЧК, на борьбу с детской беспризорностью... Тут надо прямо-таки броситься на помощь, как если бы мы видели утопающих детей...»

А. ЛУНАЧАРСКИЙ

Молодая Страна Советов в лесах новостроек. Но строятся не только фабрики, заводы, электростанции. Строится новый человек.

Первые октябрята

ДЕТИ В ГОСТЯХ У М. В. ФРУНЗЕ

«— Зачем пожаловали? — спросил Михаил Васильевич.

— Мы едем в лагерь, — сказал Алеша, — будем себя обслуживать сами, как красноармейцы...

— Отлично! Молодцы! — похвалил Михаил Васильевич.

Мы осмелели, стали с увлечением рассказывать о том, как хотели бы построить жизнь в лагере, и заодно о наших затруднениях.

— Палатку дадим, — пообещал Михаил Васильевич.

— Продукты доставлять и воду возить не на чем, — вздохнул кто-то из нас.

— Обед варить негде, — добавил другой.

— Короче говоря, просим походную кухню — раз, коня с двуколкой — два, — подытожил решительно Коля Симанкин.

— Надо подумать, — проговорил Михаил Васильевич и после недолгой паузы добавил: — Хорошо, товарищи пионеры... Только...

— Будьте спокойны, товарищ народный комиссар, порядок у нас будет, как в Красной Армии, — вытянувшись по военному, сказал Андрей Балла...

— Ну что ж! Коли так, значит, все в порядке, — сказал Фрунзе...

Витя Курносков не утерпел и сказал:

— Вот вы Перекоп брали, белых разбили и вообще герой, а, оказывается, такой добрый!

— Не для всех я добрый, — сказал Фрунзе, и стальная нотка прозвучала в его голосе».

Л. ПОДВОЙСКИЙ

«Хорошо быть пионером в Советской стране. Пионерский возраст — это самые лучшие годы в жизни человека. Вас все любят, вы окружены всеобщим вниманием и заботами, вы — радость и надежда советского народа. Но перед вами еще более светлое будущее. Будьте готовы встретить

В 1924 году московские пионеры подарили Ильичу свой журнал „Барабан“

Очень любили дети Надежду Константиновну Крупскую

это будущее достойными наследниками. Что для этого требуется? Прежде всего — хорошо учиться, любить свою Родину, быть честными и всячески укреплять товарищество, дружбу между собой».

М. КАЛИНИН

«Мы даем вам слово, Михаил Иванович, что сами будем учиться на „отлично“ и лентяев будем учить. Мы станем так заниматься, как работают наши отцы-стахановцы, как братья охраняют границы».

По поручению учеников
20-й школы Октябрьского района
Москвы
Татьяна ВАСИЧЕВА,
Вася ДЕМЕНКО и др.

Настала пора суровых испытаний для нашей страны. На защиту своей родины встали все. Юные герои тушили зажигательные бомбы, ходили на разведку, сражались в партизанских отрядах.

«Страна о вас всегда заботилась, она вас воспитывала, учила, ласкала...

Пришло время и вам — не словами, а делом — показать, как вы ее цените, бережете и любите».

А. ГАЙДАР

«...Ну вот, мой милый сын, мы больше не увидимся. Час назад я получил задание командира дивизии, выполняя которое, живым не вернусь. Ты, мой малыш, не пугайся и не унывай. Гордись такой гордостью, с которой идет твой папа на смерть. Не каждому доверяют умереть за Родину...

Грянула война. На защиту Родины встали все — и взрослые, и дети

...Вырастешь большим, осмыслишь, будешь дорожить Родиной. Хорошо, очень хорошо дорожить Родиной. У меня есть сын. Жизнь моя продолжается, вот почему мне легко умереть. Я знаю, что там, в глубоком тылу, живет и растет наследник моего духа, сердца, чувства. Я умираю и вижу свое продолжение.

Целую. Искренне любящий».

Из последнего письма
Г. МАСЛОВСКОГО, коммуниста,
начальника штаба отдельного
лыжного батальона 23-й гвардейской
стрелковой дивизии
Ленинградского фронта

И вот сломлен хребет фашистской Германии. Победа! Отстраиваются разрушенные города и села. Идет научно-техническая революция. И перед ребятами встают новые задачи — постигать глубины наук; участвовать в великих делах, на которые ведет нас партия и комсомол.

«Сегодня отправляем посылки. Я знаю, что ничего лишнего туда класть нельзя. Но когда ребята вышли из пионерской комнаты, я тайком положила в ящик свою любимую куклу. Очень хочется мне, чтобы в мою куклу поиграла вьетнамская девочка».

Из письма ученицы 4-го класса
ленинградки **Нины СМЕРНОВОЙ**

«Я еще маленьким знал, что буду чабаном. Мой отец был чабаном, и отец моего отца был чабаном, и отец деда тоже был чабаном. Мои одиннадцать братьев и сестер с детства

помогают родителям. А я пасу с отцом овец пять лет. И таких ребят, как я, у нас в ауле целая производственно-ученическая бригада.

Чабан должен быть сильным. Долгое время бродит он с отарой по горным кручам. В ауле не бывает, не видит родных и близких, не смотрит новых фильмов. Он всегда на посту: в зной и в стужу, в дождь и в снежный буран. Он защищает свою отару».

Джениш ТЫНАЕВ,
средняя школа имени Гагарина,
Джеты-Огузский район

«Салам, анадырский друг! Мы родились в Туркмении и никогда не видели большого снега и свирепых буранов. А у вас есть еще и полярная ночь... Поэтому нам очень хочется, чтобы пионерский дворец на Чукотке был веселым, светлым, солнечным.

Мы давно участвуем в операции «Чукотка». Собрали около ста тонн металлолома, отправили в Анадырь библиотеку. Наша школа заняла по сбору металлического лома одно из первых мест в республике. Горком комсомола наградил нас почетной грамотой.

Мы приедем к вам в гости и расскажем о наших преобразенных песках, а вы покажете нам свои снега, среди которых будет выситься наш солнечный дворец...

БАМУ — ПИОНЕРСКИЕ ПОЕЗДА

В дом постучал мой одноклассник **Сережа Федоров**:

— Айда в школу! Экстренный сбор совета дружины!

В гости к пионерам Артека приехал Аркадий Гайдар

Первые послевоенные годы. Юный тракторист пашет колхозное поле на родной Новгородчине

Вожатая сказала: «Дружина награждена путевкой на БАМ...» Ребята проголосовали за тебя...

Пулей влетаю в дом, отец обрадовался:

— Запрягай Гулливера.

Гулливер — это лошадь. Не одну, а целых шестнадцать тонн металлолома перевез Гулливер.

На санях было тесно. Весь отряд провожал меня до стан-

ции. А потом мы ехали поездом, который шел по тайге. Ехали до станции Таюра, в поселок Звездный. Встретили нас приветливо, штаб ЦК ВЛКСМ Западного участка закрепил за нами проводящего — комсомольца Владимира Башкатова. Запомнилось, как он сказал:

— Я не экскурсовод, а вы не туристы. Вы — наши помощники. Бамовцы, значит.

Мы ходили по будущей трассе, грелись в рабочих бытовках, видели обветренные мужественные лица молодых строителей. Я почти не расставался с альбомом, рисовал БАМ... Рисунки пошлю пионерам поселка Звездный, с которыми мы подружились.

Вася СВИРИДОВ,
Летниковская школа

Репорт штабу ЦК ВЛКСМ был кратким: «Пионеры Красноярского края собрали 10 тысяч тонн металлолома».

— Молодцы! — похвалил нас командир первого отряда

*Дорогие мои пионеры!
Сердечно вам благодарен
и очень рад посвящению в
почетные Ленинцы.*

*Тосийарапов оправдает ваше
доверие, быть примерным
пионером. Желаю вам
только отличных успехов
в учебе и в вашей инте-
ресной общественной жизни.
Трудящиеся достойными сынами
нашей Коммунистической
партии и достойной смены
славного Ленинского
комсомола!*

17.04.61. Тосаров —

строителей Герой Социалистического Труда Виктор Иванович Лакомов. — Передайте всем ребятам наше бамовское, рабочее спасибо.

Строители вручили нам значки БАМа, мы их приняли, как награду.

Андрей ХАЛИУЛИН,
Норильск, школа № 4

„Будущее Страны Советов станет таким, каким его сделают сегодняшние октябрята, пионеры и комсомольцы. И партия твердо уверена, что это будущее будет прекрасным, что наши дети и внуки с честью будут нести вперед великое знамя Октябрьской революции“.

Л. БРЕЖНЕВ

Итак, первый день был плохой. И не утешила ее поговорочка, что, мол, первый блин комом. Кого она утешит! Но все-таки Ольга решила, что расстраиваться очень сильно не стоит, потому что и правда еще ничего не ясно. Может, завтра как раз возьмет да и выйдет!

Она принялась за свои собственные уроки. Но перед началом, вместо того чтобы привычной рукою открыть дневник сразу на нужной страничке, стала листать его с самого начала. Безрадостная была эта картина!

В какой-то книжке она читала, как полководец обходит поле боя — кажется, Кутузов или Наполеон. Уже сражение кончилось, убитые лежат неподвижно, а раненые стонут из разных концов...

Так и Ольга — грустно ей было осматривать страницы дневника своего, недельные поля сражения. Там стонет тройка, там — двойка — мертвая отметка.

Она пролистала так весь свой дневник от первого сентября до сегодняшнего дня. Еще раз поглядела на могучую боевую четверку по истории и на невидимую двойку... Вдруг ей подумалось: а вот меня бы — заставь кому-нибудь это показывать!.. Оля, мол, давай-ка твой дневник посмотрим. Да я бы не знаю что, как угодно, лишь бы не это!..

Она только головою покачала, когда представила себе, какие муки бедной Вальке пришлось пережить. Небось заглянет-заглянет в тетрадку и ужаснется: нет, не покажу ни за что! Ко мне старшеклассница придет, Оля Лаврёнова из шестого класса, как же я ей двойки покажу?!

Надо к ней, к этой Вале Силиной, совсем незаметно, совсем на цыпочках. Надо, чтоб она мне поверила как-то. Чтоб она меня не стеснялась!

Тут Ольга опять представила себя на ее месте. Что же это должен быть за человек, чтобы Ольга ему свои отметочки золотые не постеснялась показать?.. Да такого и человека-то нет. На всем целом свете нет такого человека. Прямо с ужасом Ольга подумала, до чего же она одинока из-за своих двоек. Аж сердце захолонуло. И тут же в голове пронеслось: а Вальке-то бедной каково?!

Но, как говорится, утро вечера мудренее. На самом деле не мудренее, а просто спокойнее. Ощущение того, что на математике ей ничто не угрожает, ощущение выученных уроков давало уверенность и хорошее настроение.

Хорошее настроение усилилось еще и оттого, что она легко, можно сказать, запросто, помирилась с Машкой. Сперва спокойным голосом наврала ей, что записку ее потеряла (мама называет это святой ложью), потом рассказала про Ветрова, про Валю, про то, как Валька исхитрилась улизнуть. Только не стала в подробности вдаваться почему. Намекнула двумя словами, что, мол, просто поленилась.

— Ой, ну надо же! — смеялась Машка. — Ну и девица! Ты с ней, Оля, гляди! Она тебя живо-два... — Машка любила слушать, как Ольга рассказывает. А про обличительное то письмо, про «предательство» Тамары Густавовны уж никакого разговора не было. Может, и Машка это поняла. Или... а впрочем, кто его знает. Ольга об этом старалась ей не напоминать и не вспоминать — ни к чему!

Перед четвертым уроком она пошла на малышовский второй этаж. Первым, кого она увидела, был, конечно, Ветров. Он стоял посреди чинно гуляющей малышни, словно Останкинская телебашня. Красная повязка на рукаве придавала ему особую торжественность — он был сегодня дежурным учителем.

Ольге идти было больше некуда, кроме как к нему: такая фигура заметная! И казалось, что он тоже всех видит.

Вдруг длинная вереница пар поломалась. Один наталкивался на другого, быстро натекло небольшое озерцо народа. А из середины его раздался громкий писк:

— Сергей Геннадьевич! К нам Оля Лаврёнова пришла!

Ветров повернул голову, улыбнулся, отыскал взглядом Валю. И вот они уже стояли — учительница и ученица — перед громадным Ветровым.

— Ну что, занимались вчера? — послышался с высоты его голос. Не строгий, но все же значительный, потому что звучал он оттуда, откуда обычно звучит радио.

Ольга собралась уже пространно объяснять, как было дело. Но тут почувствовала: в ее руке тихо дрогнула Валькина ладошка. Ольга быстро глянула на ученицу свою. Валя стояла, опустив белобрысую голову с крысиными косицами и возила носком ботинка по паркету...

Так, ясно...

— Мы занимались, — с некоторой запинкой произнесла Ольга, — и... очень... в общем хорошо позанимались.

Валентина сразу начала кивать, потом, осмелев уже, подняла голову — запрокинулась на Ветрова, как на звезды.

— Занимались, значит? — переспросил Ветров. — А я результатов не заметил.

Он глядел Ольге куда-то в макушку. Ольга прямо кожей чувствовала этот взгляд. Словно кто-то поставил ей в середину головы ножку циркуля: вроде и не больно, а все же чувствительно!.. Вот врать-то оно как выходит! Валентина сегодня опять, видно, отличилась.

— После прогулки обязательно меня жди! — довольно строго говорила Ольга. Они стояли теперь у окна, уже вдали от Ветрова.

— Я даже раньше пойду, руки помою и сяду! — с готовностью согласилась Валя. Она, так сказать, «ела глазами начальство». И недаром: они были окружены кольцом любопытных и явно завидующих младшеклассниц. Ольге даже неловко стало: ну, подумаешь, что она такое за царица!

— Ну ладно, Валечка, я пойду? — сказала Ольга смущенно.

— Нет, пожалуйста! — прошептала Валя. — Давайте один кружок прогуляемся!

Весь этот «кружочек» — туда и обратно по коридору в медленной веренице пар — Валька висела у нее на руке и болтала всякую чушь: уж не смешно было, а она опять принялась через силу хохотать над вчерашними их крокодилами. В общем, она «развлекала» Ольгу и еще старалась, чтоб все видели: вот какая у нее покровительница!

А после шестого урока, когда она явилась в продленку, Зоя Васильевна ей объявила, что «Силина давно ушла домой. У нее бабушка заболела».

Странно-странно, подумала Ольга и спросила:

— Она вам записку показала, да?

— Я своим детям верю, — сухо ответила Зоя Васильевна. — А бабушка ее писать не умеет. Коли ты вожатой стала, не худо бы это знать.

У нее были очки, бледное лицо, тонкие, заметно накрашенные губы и завивка мелкой волной, которую уж лет сто никто не носит.

И опять у нее оказалась куча времени на собственные уроки. Она долбила математику. Решила про себя: пусть я не так уж понимаю, но можно и просто выучить. Как вон в бурсе учили, в книге «Очерки бурсы»... Правда, там математики вроде не было...

Часа за три с половиной она одолела все уроки. Математические знания сверкали и торжественно плыли по воздуху, словно радужный шар. Внутри него Ольга была хозяйкой: и задачку любую разберет, и пример (не важно, что они все были на одно правило). Но вот выходить за пределы шара не разрешалось. Там было безвоздушное пространство. Как бы открытый космос.

Чтобы уж совсем укрепиться в своем торжестве, она сама себе придумала задачу и решила ее!.. Живем! Стало быть, математика не такой лютый зверь!..

И вот надо ей было, не подумавши и секунды, перевернуть несколько страничек учебника назад в прошлое, прочитав условие первой попавшейся задачки и... Так надеялась она проскочить на своем космическом корабле сквозь математические эти дебри.

Куда там! Углы, биссектрисы, бесконечные прямые, черные точки. Неживые роботы «А», «В», «С», стерегущие голые горные вершины математики. И все это вместе!.. И кораблик ее — дзынь-блям! Полетели вниз сверкающие осколки. Ольга прямо с ужасом захлопнула учебник. Выскочила из своей комнаты.

Мама ругала Ленку, что он за тридцать пять минут со всеми уроками справился: «Видишь, как Оля старается!»

Ольга скорее прошла в столовую, включила телевизор... Вот правильно папа смеется, что «телевизор — опиум для народа». Его — если только немножко слабование проявить — целый вечер без отрыву смотреть будешь. И вот что странно!.. Вот его смотришь — вроде и переживаешь за какое-нибудь там наводнение — не оторвешься, а вроде бы и чайку попить можно.

Во время телевизора все твои тревоги спят себе да спят. Только за это и у него есть одно условие: ты должна смотреть все без разбору — мультик, новости, интервью, постановку...

Пришел папа. Ольга с ним поздоровалась, не отрываясь от экрана.

— Ты замечала, Наташа, — сказал отец со значением, — если наша дочь эдак хищно смотрит телевизор, значит, у ней что-нибудь не того... — и потом тихо: — Ты дневник?.. — В этот момент мама, видимо, кивнула.

Ольга сразу встала, выдернула вилку из розетки.

— Ты что?! — чуть не крикнул папа. — Сейчас хоккей, третий период!..

Вот уж для кого телевизор действительно опиум! Хотя сам же и смеется над этим...

Ольга пошла к себе в комнату, медленно разобрала постель, сложила книжки и тетрадки на завтра. В голове была пустота... Ольга умылась, легла. Мысли потихоньку стали приходить в порядок. Но, так и не придя до конца, улетучились...

А пускай! Если она завтра опять убежит, я пойду к ней домой и все.

Это было последнее, что мелькнуло в голове.

На геометрии она целый урок все понимала! Все задачи могла бы решить. Но рука будто магнитом к парте примагничена! Не поднималась. Как задачу решать начнут, Ольга думает: а вдруг я неправильно, вдруг я... После глядит — правильно. Так обидно, что побоялась!

Даже Елена заметила, говорит на свой обычный манер, то есть немного с насмешечкой:

— Что с тобою, Лаврёнова? Ты чего вертишься?.. Кто тебе там жить не дает?

Шуйский повернулся, глянул в Ольгину тетрадь и торжественно объявил на весь класс:

— Лаврушка задачу решила! Это надо обмыть!

Что тут смешного-то? Но класс, конечно, грохнул!..

Ольга покраснела. Так обидно стало: ну что ж такое? Хоть учись, хоть не учись, все равно ты виновата!

И вдруг Машка крикнула с места:

— Почему вы ему все разрешаете, этому любимчику?!

Эх, Машка! Отчаянный ты, верный человек. А тебе бы не надо с Еленой ругаться. Ты и сама по алгебре — с хлеба на квас, троечка христа ради.

Любимчик Шуйский

Машка Цалова

Елена брови надвинула:

— Цалова, встань! После урока дашь дневник... Учить надо не меня, а математику!

Машка встала, громыхнув от возмущения.

— А ты, Шуйский, — продолжала Елена грозно, — выйди из класса! И совету отряда я бы рекомендовала...

Во время всей ее дальнейшей речи класс сидел притихший. Кто Шуйского жалел: всегда, мол, из-за этой Лаврушки. Кто наоборот — Машку и Ольгу: подумаешь, правда, какой гений нашелся — людей оскорблять! А кто просто сидел — держал, как говорится, фигу в кармане: меня не касается, а там и ладно!..

И вдруг гром громыхнул среди ясного неба. Елена сказала:

— Дай-ка, Лаврёнова, тетрадь, — посмотрела классную задачу, посмотрела домашние: — А вот эти две ты зачем решала?

Ольга покраснела опять и плечами пожала:

— Просто...

— А эта задача откуда?

— Сама придумала, — тихо сказала Ольга.

— Хм! Молодец. Очень интересная задача.

Ну-ка, давайте все решим задачу Лаврёновой. Запишите условия... — Тут она окинула класс своим спокойным и ясным взглядом. Шуйский толкся у двери, все не решаясь выйти. Машка краснела и бледнела, стоя у себя за партой. — Садитесь оба. Да будьте скромнее!..

К доске пошел Димка Соколов и стал решать Ольгину задачку. Такого вроде б раньше и не было никогда!

Отметку Елена ей, правда, не поставила. И это жалко! Но, как Ленка любит кричать,

уговор дорожке денег! Раз от двоек ты спасена, так и на четверки пока тоже не рассчитывай.

Так рассудила Ольга, сказать по правде, очень довольная собой. А в классе, куда ни глянь, видны были одни только поникшие над тетрадками головы. Все решали ее, Ольгину, задачу. Рядом, под боком, пыхтела Машка. Ольга от щедрот своих уж собралась было ей даже подсказать. И вдруг увидела, что по ряду прямо к их парте идет Елена:

— А я и тебе, Лаврёнова, советую приглядеться к задаче... Я там кое-что в условии... чтоб и тебе не скучно было.

Ольга подняла глаза на доску. Все-таки не умела Елена быть доброй до конца!.. Неприятное предчувствие кружилось над Ольгой, словно коршун. Она прочитала условие, сразу заметив, где были подложены мины. Прилежно переписала условие к себе в тетрадь...

Весь класс решал! Уже слышалось победное гудение: дотумкивали потихоньку. Одна Ольга не знала. Она столько не знала в этой математике... Вон как Соколов уверенно: «Треугольники АВС и ДВЕ подобны, так как угол БСА и угол БЕД...»

Для Ольги те подобию промелькнули когда-то очередной неприятностью, очередным «спросят — не спросят». А Соколов знал, и все знали... Все, кроме пресвятой отпетой троицы: Лаврёнова, Жужина да знаменитый Паша Осалин, сверстники которого уже, наверно, восьмой класс кончают.

После пятого урока Ольга пошла в буфет. В это как раз время продленщики кончают обедать. От меня она бежит, решила Ольга, но от обеда уж вряд ли!..

Она еще раз повторила про себя это умозаключение, показавшееся ей остроумным и точным.

И вот она стоит в дверях столовой — гремющей, как заводской цех, переполненной народом... Каким там народом! Малышней!

Слева у окна столы Валиной продленки. Детки уже допивают компот. Допьет, ложечкой вишню выскребет и поставит стакан на поднос, чтоб дежурному проще убирать. Ольга оглядела один стол, второй, третий. За третьим вместе с детьми сидела Зоя Васильевна — сидела очень важно, с поджатыми тонкими губами. Ребятки кругом вели себя тихо.

А Вали не было нигде! Может, дежурная?.. Ольга отыскивала глазами дежурных. Опять нету!..

Вот, значит, как. Ольга повернулась и пошла неизвестно куда. Все тревоги и неудачи дня, которые, со времен геометрии малость попритихли, теперь снова кралась за нею, словно свора тайных соглядатаев.

Ольга поднялась на второй этаж, прошла по коридору, открыла уже знакомую дверь. Но и тут Вальки, конечно, нет... Лишь за столом громоздится Ветров.

Он сидел над огромной стопкою детских книжек — в высоту, может, метр не метр, а сантиметров-то шестьдесят уж было!

Ветров поднял голову, сразу поймал Ольгины глаза:

— Что, бегает от нас ученики-то? — Ольга сумела лишь растерянно улыбнуться в ответ. — А ведь это плохо, что бегает, а?

И опять Ольга промолчала... Уже готова была ответить этому Ветрову, но промолчала почему-то.

— Да, плохо! — продолжал Ветров жестко. — Девочка тебя не слушается. А то и побаивается: вдвойне плохо!

— Она не меня побаивается, — сказала Ольга и покраснела. — Не меня, а двоек своих побаивается. И даже боится!.. Что я над ней смеяться стану!

— Ну, правильно. А почему, собственно, такой тон обличительный?

— Не обличительный, а только ведь ее в классе так воспитали! И это неправильно!

Откуда она взяла такие слова и как решилась сказать их, неизвестно! Ветров отложил свои книжки, внимательно поглядел на Ольгу:

— Так-с. И это все говорит мне человек, который во многих вопросах, как я понимаю, не вырос еще из трехколесного велосипеда... Однако в принципе я с тобой согласен. Когда ребенок боится своих двоек перед другими... Только этот класс-то не мой...

— Не ваш? — удивилась Ольга.

— Да разве б я допустил, чтобы за полтора почти года учения у меня были такие детки? Ни коллективизма, ни чувства школы!..

Тут он наконец «вспомнил» Ольгу:

— А тебе надо тщательнее продумывать свои поступки... Если ты хочешь, конечно, этим заниматься. Если тебе это надо! — он машинально перелистнул несколько страниц в книжке, что лежала перед ним. — Слушай, а у вас там случайно мальчишки не нашлось бы?

— Какого мальчишки? — улыбнулась Ольга.

— Чтобы вот тоже пионервожатым не возражал...

— А зачем вам? Я могу девочек...

— Я говорю: парня! Педагогика и так вся «девочками» забита. Что ни школа, то все женщины, женщины, женщины... А в педагогику парни нужны! Срочно.

— Ну, если б нужны были, — пожала плечами Ольга, — так и были бы!.. Значит, не очень по ним педагогика умирает.

— Ишь ты! — усмехнулся Ветров. — Ишь ты! С тобой не поспоришь... Только, дорогая моя, не все так просто, как представляется в твоей схеме... Ладно! Скажи-ка мне лучше, что ты собираешься делать с Валею Силиной?

— Я к ней домой хотела...

— Так, правильно, — кивнул Ветров. — Много любопытного, должно быть, увидишь. Мне расскажешь!.. Я-то еще не успел... ко всем, — он вроде немного оправдывался. — Ладно. А там что? Как себя поведешь?

— Не знаю! — честно призналась Ольга. — Приду, как увижу...

Но Ветрову такой ответ не понравился.

— Плохо, — сказал он жестко. — Плохо, что не знаешь. — Сердце Ольгино заныло. — Просто так туда не ходи. Только испортишь!

Она вышла из школы, недовольная Ветровым, недовольная собой и вся сжатая этим недовольством, напряженная.

На дворе был шум, дребедень, сутолока. Малышовские продленки возвращались с гулянья, кое-как строились у дверей школы. Между этими толпами, как ледоколы, двигались старшеклассники — кончился шестой урок. Ольга и сама была одним из таких ледоколов...

Вдруг она заметила Зою Васильевну — в берете, газовом шарфе и синем пыльнике — теперь такое увидишь, пожалуй, только в старом кино! Вокруг Зои Васильевны толпился Валина продленка...

И Ольга вдруг быстро пошла к этой кучке галдящих и смеющихся цыплят. Она кивнула Зое Васильевне. Та довольно благосклонно улыбнулась ей в ответ тонкими своими губами. Это приободрило Ольгу.

— Ребятки! — громко сказала она. — Кто знает, где Валя Силина живет?

Малышня сразу приутихла — то ли от незнакомого голоса, то ли оттого, что Ольга им крикнула необычное слово «ребятки». Ольга и сама удивилась, как оно выскочило на свободу — странно: этим словом Ольга звала Ленку и Родку...

— Да я знаю! — бойко крикнул мальчик с черными быстрыми глазами и с таким чубчиком, с одного бока стоячим, про который говорят: теленок зализал. — Я знаю! Она в нашем дворе живет, только в третьем подъезде. А этаж вроде второй. Там у них написано, на табличке железенькой.

Он остановился перевести дух, глянул на Ольгу. Один глаз у него косил, незаметно убежал куда-то под веко. Ольга наклонилась над этим мальчишкой:

— Только ты дом мне позабыл сказать и улицу. — Она вдруг самым сердцем ощутила, какая она старшая рядом с ним!

Улица Зеленая была хорошо Ольге знакома: это здесь совсем недалеко — минут семь ходу. Она шла и думала о Ветрове. О Ветрове, который ей запретил идти туда, куда она шла.

О Ветрове!..

Что ни школа, то, видите ли, все женщины да женщины... Ну и что? Вон медсестры — тоже все женщины да женщины. И никого от этого в жар не бросает. А футболисты — все мужчины да мужчины... Жаль, что тогда ей это в голову не пришло. А теперь уж толкуй не толкуй сама с собою...

И еще он говорил: ужасно, что ребенок боится своих двоек, но все, мол, от учителя зависит!.. Тоже неверно! Уж какая у них Тамара Густавовна хорошая, а Ольга все равно боится! Хотя она и не ребенок уж давно.

Вдруг Ольга прямо споткнулась на ровном месте. Остановилась пораженная. Она боится

и Валя боится — одинаково! Ах ты! Значит, вот что нужно! Чтобы Валя хотя б ее не боялась, и для этого... Она только что не бегом припустилась к Валиному дому...

А дом был, между прочим, самый обычный: белый, в пять этажей, блочный, с одинаковыми окнами, со строем тоненьких инкубаторских липок. Теперь листья с них совсем облетели. И они стояли, похожие на метелки, которые по старости отдают снеговикам.

От Валиного дома до следующего тянулся строительный пустырь — просторный и запущенный. Через многие-многие субботники и воскресники он должен был превратиться в сквер. А пока были бугры да нечесаный бурьян под ветром. Старая труба, как старая пушка, торчала из незажившей после стройки земли... Только посредине, но все-таки ближе к этому дому, стояла в бурьяновых волнах деревянная беседка, словно маленький кораблик. И в этой беседке... Ольга увидела Вало! Она стояла, крепко держась за деревянные перила, и боялась, что Ольга ее заметит, и никак не могла отвести взгляд.

Задевая чулками колючую траву, с бугра на бугор, Ольга пошла к беседке. Будто цепкой ниткой они были связаны взглядом — Валя и она.

Хорошо, что во дворе никого не было. Потому что бывают на свете такие минуты, когда любой, даже самый хороший человек может только помешать двоим.

Ольга подошла уже совсем близко, так близко, что можно было услышать шелест листьев или человеческий шепот.

— Я больше не буду! — прошептала Валя. Она боялась. Ольга покачала головой.

На деревянной лавке в беседке сидела маленькая кукла, лежал фантик с ярким цветком, стеклышко, железка, удобная для копания... Она же «секрет» хочет делать!..

Мигом Ольга вспомнила давно забытое, волнующее. Как крадешься, чтоб никто не видел, в тайный угол двора. И копаешь ямку, и укладываешь фантик, и остекляешь аккуратно... Вот и теперь, оказывается, это делают!

— Пойдем, — сказала Ольга — пойдем! Где ты хотела его устроить?

Они взяли с лавки все принадлежности. А куклу и Ольгин портфель оставили. Валя раз-другой недоверчиво глянула на Ольгу. Но, видно, что-то было в Ольгиных глазах особенное, и Валя поверила, что Ольга не врет, что ей правда интересно.

Они обошли беседку и присели на корточки. Теперь из ближнего — Валиного — дома их совсем не было видно. А дальний стоял далеко и совершенно безопасно, как на другом берегу широкого озера.

И тут Валя расчистила одно стеклышко, второе, третье — прежние секреты. В двух были фантики, а в третьем цветок, георгин.

Ольга быстро вынула из плаща брошку — подарок Машки Цаловой: черный пластмассовый овал, а на нем пластмассовый женский

профиль (как будто древнегреческий или древнеримский) с развевающимся пучком курчавых волос на затылке. Брошку эту носить, конечно, было нельзя — неудобно. Она лежала в кармане плаща и больно колола пальцы, как забудешься, за чем-нибудь полезешь неосторожно...

Теперь Ольга без спросу разорила «секрет», выкинула фантик, положила брошку, аккуратно примяла пальцами бока ямки, закрыла опять стеклом. Чуть-чуть — таинственно, но чтоб и видно оставалось — припорошила стекло землею...

— Ой-я! — прошептала Валя. — А как же она здесь?

— Да не бойся, — тоже шепотом ответила Ольга. — Пусть остается. Ничего!

Валя смущенно и неловко стала рыть новую ямку:

— Никому про это не будем говорить, да?..

И тут Ольга сказала себе: «Ну пора! Не трусь!..»

— Погоди! — она быстро обошла беседку, вынула свой дневник, вернулась на место. Положила дневник на землю перед Валею. — Хочешь, покажу?

Валя сперва ничего не поняла. Она медленно читала имя и фамилию на обложке. Потом посмотрела на Ольгу: мол, зачем это?

Ольга открыла первую страницу...

За месяц с небольшим много двоек не хватается. Теперь Ольга даже испугалась, как бы их не оказалось слишком мало. Поэтому старалась помедленней переворачивать каждую страничку. Она уже будто забыла, что это ведь стыдно — показывать двойки.

Но почему-то не было стыдно! Даже вообще не думалось об этом. Только одного она хотела: чтоб Валя ей поверила!

...Вот кончились в дневнике все прожитые недели. Но Ольга все-таки еще раз перевернула страничку, как бы на всякий случай — а вдруг... Теперь на них обоих глядела белая неизвестность будущих дней.

— Никому не скажешь про это? — тихо сказала Ольга.

Валя быстро-быстро замотала головой.

— А будешь со мной?.. — Она не знала, как сказать: «заниматься» или «дружить»? Но Валя, не дождавшись конца, закивала головой — опять быстро-быстро.

Тарам-парам, какие-то там крылья

И вместо сердца пламенный мотор!

Правда что — вместо сердца пламенный мотор! Так жила она последние дни. Словно взлетела над обычной своей жизнью — все прежде важное отступило, как бы съезжилось, оставшись внизу. Дом, братишки, Машка Цалова, Тамара Густавовна, Елена Григорьевна...

Сердце отскакивало от всего этого, как пинг-понговый шарик. Она досиживала кое-как уроки, летела домой, чтобы покормить Ленку. И скорее бегом назад, в школу, в продленную группу.

А там уже Валька ее ждала. Хилые беленькие косицы, нелепые коричневые банты рядом с синими глазами.

А глазищи так, наверное, все время на дверь и были наставлены. Едва Ольга войдет, сейчас же они тут как тут — два синих цветка.

И Зоя Васильевна, строгая старомодная воспитательница, заметно к ней подобрела. Она брала Ольгу за локоть, отводила к окну и тихо рассказывала про Валю: мол, она и спорить теперь научилась, и бойчей стала. Разучивали стих к ноябрьским, так у нее память, оказывается, прекрасная! А чуть с кем заспорит, сейчас же: мне сама Оля сказала! Что уж, значит, высший суд, дальше ехать некуда!

— Вы понимаете, как это все хорошо! — говорила Зоя Васильевна. Она волновалась, и слова ее то и дело перемежались короткими смешками. — Вы понимаете, Ольга?.. В вас есть эта наша жилка, педагогическая!

Ольга слушала Зою Васильевну, а сама все поглядывала на Валю и говорила ей глазами: сейчас, сейчас, погоди чуток. И снова слушала, слушала, и силы ее росли!

Она задумала вещь рискованную, но, может быть, единственно спасительную. Она быстро делала с Валею арифметику, которая была задана сегодня... А как быстро сделаешь? На полуподсказке, как же еще! Но Ольга специально шла на это. Зато выкраивалось время на прошлое. Они шагали из глубин, взяв даже учебник первого класса, нагоняли сегодняшний день из прошлого.

Так Ольга сама для себя делала. Взяла прошлогодний дневник и с марта поехала заново делать уроки! Оказывается, она по частям кое-что знала. Математика валялась в ее голове бессмысленной грудой кирпича, балоков, блоков. И нужно было это все сложить — сделать дом.

Прошло уже девять дней из того льготного срока. Класс вроде б и не замечал, спрашивают ее, нет. Только раз-другой кто-то отпустил замечание, что, мол, везет Лаврушке... Даже Машка ничего. У нее началось ее драгоценное фигурное катание. Значит, опять она будет учиться лишь бы — лишь бы, позевывать на уроках и греметь в парту коньками, такими тяжелыми на вес и такими легкими, когда Машка бежит в них по льду.

Ольга ей раньше завидовала. А теперь — что фигурное: прыгай да прыгай. Сама Зоя Васильевна ее хвалит! И сам Ветров, огромный, как Маяковский, нет-нет да и заглядывает в продленку: «Недурно, — говорит, — недурно! Хотя и надула меня в прошлый раз. Да победителей не судят!»

Она жила теперь, не замечая дней. Чуть ли не каждая секунда была на счету — пять по сорок пять (или шесть по сорок пять) — учебный день. А потом все срывается с места, как сумасшедший вихрь: Ленке обед на скорую руку, дальше Валя (сперва уроки, а потом просто от нее ведь уйти невозможно), уроки свои, дальше повторение старой математики...

Не то чтобы она уж везде так бешено торопилась. Но остановиться, дух перевести буквально было некогда. Все время что-нибудь надо, надо, надо!.. Оглянешься, а уж на улице темным-темно, уж времени девять. Голова сама на стол падает, как мяч баскетбольный.

Родьку она вообще не видит, Леньку практически только во время обеда их скоростного. Родителей?.. По пути в ванную посидит с ними у телевизора минут десять. А глаза уж не видят...

И чувствовала Ольга, что-то не так у ней делается, но остановиться не могла!

...Однажды она проснулась под утро. Было еще почти темно. До вставания в школу почти полтора часа. Такого с ней вроде и не случилось раньше! Нет, было один раз. В классе, кажется, четвертом — тогда зуб болел. Спала еще, но уже чувствовала, что болит он... Спала — уж и не спала, а вроде как притворялась сама перед собой: страшно было.

И сейчас так же случилось. Ей приснился сон. А может, это уже не сон был. Просто вдруг вспомнилось то, что будто пролетело мимо ушей, но, оказывается, не пролетело, застряло в душе... В памяти!

Ленька Родьку обижал. Что там было у них, в точности она не знала: сидела, уткнувшись в учебник, и дверь в ее комнату была закрыта. Но в том дело, что Родька орал:

— Ну не лезь! Отдай! Сейчас Оле как скажу. Тогда узнаешь, она играть с тобой не будет.

Потом долгое молчание. Потом Ленька:

— Она и так с нами не играет. Сидит в своей комнате, как сторож... Оля твоя... Да возьми ты свою железку!

И все. Родька не плакал. А Ленька, видно, ушел, потому что обидно бухнула дверь... Да, бухнула: теперь Ольга точно припомнила.

Когда же это произошло? Вчера, что ли? А может, позавчера?.. Хорошо бы, вчера. Тогда еще ничего. Тогда еще можно как ни в чем не бывало с Родькой повозиться, Леньке спокойным голосом что-нибудь там такое объяснить...

Она лежала, закинув руки за голову, нахмурившись... Вдруг подумала: хорошо, что еще хоть обижаются. А вот когда уж обижаться перестанут — значит, конец, рукой на тебя махнули!

Надо, надо, обязательно надо с ними заняться. Стыд какой, двенадцать дней живу для одной себя. И родители тоже небось косятся. Да чего они там косятся, ни капельки они не косятся! Разве мама будет коситься! Да мама для меня, для нас всех... Нет! Опять я не то. Не в том дело — косятся или не косятся. Я же сама должна. Я же старшая! Кто, кроме меня, маме поможет? Родька, что ли?

Подумав так, она немного успокоилась. Лежала в светлой своей от проснувшегося солнца комнате, глядя в знакомый до последней трещинки потолок... Я обязательно что-нибудь сделаю!

Но тут опять тревога беспощадно подступила к ней...

«Какая ты быстрая! — шептала ей утренняя тревога. — Раз, два и решила... Сделаю, помогу... А когда?»

А правда, когда? День забит, как рюкзак перед походом. И чтоб туда что-то еще втиснуть, надо, значит, что-то выкинуть. А выкидывать ничего невозможно. Математику? Повторение? Вальку-синецветика? Их разговоры и медленные провожания после того, как чтение, арифметика и русский готовы? Даже любимейшей Машке Цаловой она отводит всего только перемены, да и то когда не надо подзубрить для страховочки какой-нибудь там параграф!

Так что же тут выкинешь из этого рюкзака? «Бомс!» — пробили часы. Чинные древние часы, оставшиеся еще от бабушки — почти уже забытой Ольгой, потому что умерла она, когда еще Ольга была детсадовкой вроде Родьки, то есть очень давно... А часы вот все ходят... Мама их, между прочим, не особенно жалуется — из-за того, что тикают громко и что бьют. Мама даже говорит: «Я от них просыпаюсь!»

И тогда их повесили к Ольге. Тоже уж давно, класса, наверное, со второго или с третьего. «Ну хоть вы что-нибудь мне подскажите». Часы в ответ качали тяжелым бронзовым маятником.

И тут до нее дошло — все-таки подсказали часики! — да это же простая детская вещь: утро! Во-первых, не спать до последнего, во-вторых, может, и зарядку по боку — она же не спортсменка, не Машка!

Вставать рано! Родьку в садик ей можно и самой собирать. И завтрак — тоже! Что она, не умеет завтрак приготовить! Пусть даже на пересменку — когда мама, а когда и она! И то уже хорошо!

Ольга вскочила — столько сил у нее сразу прибавилось! Сунула ноги в тапки, побежала в ванную.

Улыбаясь и глядя в зеркало на свою вымазанную зубной пастой физиономию, она думала, что, конечно, лучше бы с ними вечером. Но вечером когда ж? Голова уже глупая становится. Долбешка, а не голова.

Нет, она уж постарается утром. В конце концов, это же не важно когда. Главное, чтоб каждый приносил в семью что-нибудь хорошее, тогда и будет настоящая семья... А что это — хорошее? А то, что Родька у них, например, такой маленький и милый. Ленька — забияка и веселый, вроде папы. А она, Ольга, заботится.

Она с удовольствием натерла закоченевшие щеки полотенцем и вошла в комнату к мальчишкам. Оба, конечно, еще спали.

— Мяс, — сказала Ольга, — мяс! — Потом: — Киса-киса-киса!

Родька сейчас же открыл глаза. Поискал взглядом кошку, которой у них в доме никогда в жизни не было. На лице его было удивление. Наверное, он думал: «Вот так сон мне

приснился». Тут он увидел Ольгу и сейчас же улыбнулся ей, совсем забыв про кошачий сон.

— На зарядку! На зарядку! На зарядку, на зарядку становись! — пела Ольга и в это время Родькиными руками и ногами делала зарядку.

Тут и Ленька проснулся. Видно, недовольный, что его разбудили на двадцать минут раньше, он залаял из-под одеяла. Он и как бы шутил, по своему обычаю, и в то же время был малость сердит, только при Ольге не хотел этого показывать.

Ольга все поняла. Лицо ее стало веселым и спокойным — как и нужно в обращении с Ленькой:

— Лень, иди по-быстрому в ванную. А потом будем вместе Родю собирать.

— А мама?

— Обойдемся! Я, знаешь, что решила: объявляем маме, что на территории нашей квартиры организуется колхоз. Я — председатель, ты — бригадир, а Родька — колхозник. Будешь?

Они весело стали собирать Родьку. Собственно, от Леньки, конечно, помощи не было никакой. Ну принес из комнаты забытый правый ботинок, ну поставил чайник... Однако Ольга и не надеялась его использовать в эксплуататорских целях! А просто чтоб он был с ней — второй младший братишка.

— Мы как колхоз назовем? — спросила Ольга.

— Колхоз-совхоз, — радостно запел Родька.

— Давай «Стремительный космонавт»! — быстро крикнул Ленька и вдруг остановился — внимательно и с надеждой посмотрел на Ольгу.

Тут улыбаться ни-ни-ни!

— Хорошее название. Только непонятно, чего мы выращиваем... Смотри, например, названия: «Красный хлопкороб», «Рыбак», «Коммунистический пахарь». Понял? Кто что делает, тот так и называется.

— А мы что выращиваем? — сам у себя спросил Ленька. И вдруг радостно сообразил: — А мы Родьку выращиваем!

— Правильно, — засмеялась Ольга. — Слушай, пускай у нас будет колхоз «Спелые родионы»?

Мама, заспанная, в таком известном, родном своем халатике высунулась из спальни (а они буйствовали в большой комнате, в гостиной).

— Вы что колобродите ни свет ни заря, колоброды?

— А кто рано встает, тому бог подает! — выпалил Ленька загодя разученный ответ.

— Какой бог, что вы несете с утра пораньше! — но голос у нее был улыбающийся.

— А кто очень долго спит, будет толстый, словно кит!

— Георгий! — позвала мама жалобно. — Меня забили до полусмерти. Собственные дети!

— Какая-то кошмарная банда головорезов! — хрипло сказал папа. — Причем во главе с моей старшей дочерью. Послушай, Наташа, по-моему, у нас слишком много детей!

День начинался прекрасно!

Закинув в детский сад Родьку — и это тоже было для их семьи новостью, — Ольга шла в школу. Она спешила, но не очень безумно. Просто шла ритмично, как говорит Машка Цалова.

От хорошего настроения, от быстрого шага дышалось ей глубоко. С утра приударил едва заметный морозец, но солнце светило, несмотря на октябрь, и небо над головой было чистое. Ольга вспоминала о том, как они вприпрыжку шагали с Родионом, а перед лужами останавливались. И Родька осторожно проходил по белому хрусткому блинчику льда. Теперь, когда она осталась одна, Ольга сама с удовольствием хрустела этим молодым ледком. Звук получался удивительно чистый.

«Так, — говорила она себе, — так-так-так! — и улыбалась. — Ну, что мне сегодня еще предстоит?»

Сегодня начинался тринадцатый день из тех четырнадцати льготных, что дала ей Тамара Густавовна... Хотя совсем они и не были «льготными», наоборот, трудовыми — каких, может быть, никогда прежде не бывало в ее жизни. «Неужели теперь я всегда так буду жить?» — подумала Ольга. И ей верилось, что всегда... И тут сердце на секунду зануло от того, какую ношу она на себя берет. Но куда сильнее этой тревоги в ее душе звучала радость... И даже гордость, пожалуй!

Да, она гордилась собой, хотя вслух никогда бы об этом не сказала и ни в каком дневнике не написала бы, ни в каком письме.

У школы, у школьного двора, ее ждала Валя Силина. Она стояла, крохотуля, под большим рукастым деревом — почти совсем облетевшим: последние десятка два засохших листьев болтались на его ветвях, как погремушки. Валя синими своими глазами смотрела не туда, откуда шла Ольга, а в другую улицу — откуда она должна была идти из дому. А Ольга ведь шла из детского сада.

— Ва-ля...

— Ой! Олечка! — и потом чуть обиженно: — А я тебя ждала-ждала...

— Я Родю в садик водила. Помнишь, младшего братишку — я тебе рассказывала.

До звонка оставалось минут семь — только раздеться да скорей бежать на этаж. И первый урок был геометрия!.. Но Валя довольно решительно держала Ольгу за модный накладной карман.

— Ты чего, а, Валь?

— Они, — Валя нахмурила почти невидимые свои бровки. — Они говорят, ты сама плохо учишься.

— Кто говорит?

— Из класса... А я говорю: нет, она хорошо! И как дам портфелем. А они мне вот что — руку расцарапали.

— Больно было?

— Нет!.. А вдруг они твой дневник под-
смотрят?

Вот так дела! Гордость испарялась из нее, как воздух из проколотого мяча... Бедная ты моя Валечка...

— А ты не бойся, Валь, у меня теперь днев-
ник стал хороший. Хочешь посмотреть?.. Толь-
ко сейчас времени очень мало, — а у самой
сердце так странно билось: значит, выходит,
и Валька за нее в ответе, выходит, и Валька
ее воспитывает.

Они почти бегом вошли в вестибюль. Пока
Валентина возилась с ботинками да тапочками,
Ольга сдала ее пальто и впопыхах перепутала
номерки — чей какой. Испугалась на мгнове-
ние, хотела уж начать извиняться перед ня-
нечкой-раздевальщицей, чтоб та посмотрела,
а сзади уже напирал такой же, как она сама,
опаздывающий народ.

Но вдруг подумала: «Да все равно же домой-
то вместе!»

От этой мысли ей стало так легко. Она
сунула оба номерка в карман, схватила Валину
руку, и они бегом побежали вверх по лест-
нице, с секунды на секунду ожидая, что грянет
выстрел звонка.

Валя шмыгнула в дверь своего этажа, а

Ольга свободной птицей полетела дальше,
не чуя ступенек.

Ударил звонок. Впереди по пустому коридо-
ру шла Елена Григорьевна. Лишь отдельные
разгильдяи пулями пронеслись мимо нее.
Елена уже взялась за ручку двери шестого
«в»...

— Елена Григорьевна!

Елена обернулась. Ольга, запыхавшись,
остановилась около нее:

— Спросите меня, пожалуйста! — и тотчас
испугавшись, что Елена поймет ее не так: —
Нет... в смысле: когда хотите, тогда и спро-
сите...

— Спрошу.

И тут прямо ужас охватил ее — ни одного
дня, ни одной даже секунды у нее теперь не
осталось!

Она упала к себе за парту, и сразу Машка
потянула ее портфель:

— Дай быстрее вторую задачу сдать!

Она безошибочно, с ловкостью утопающего,
выхватила Ольгину тетрадку. Все встали,
и Машка встала, продолжая писать.

— Садитесь... Лаврёнова, я сказала: сди-
тись. Ты что это улыбаешься?

Ольга была счастлива — впервые в жизни
у нее списывали математику.

МУЗЫКА

Н. АЛТУХОВ

Поют щеглы, зорянки,
Солисты-соловьи,
И вторят спозаранку
Им звонкие ручьи.

Играет на цимбалах
Кузнечик-виртуоз,
Над ягодою алой
Жужжат ансамбли ос.

Малиновки засвищут
На свой особый лад —
Чудеснее не сыщешь
Мелодий и рулад!

Смешно, что в лес звучащий
ребята на маршрут
Магнитофоны тащат,
Приемники берут.

Рисунок А. Орлова

Сколько новых встреч, интересных игр, танцев, веселых соревнований ждет ребят во время международного детского фестиваля «Пусть всегда будет солнце!».

Фестиваль пройдет везде, по всей нашей необъятной стране, потому что везде — в каждом пионерском лагере, Доме пионеров, в каждом городе и селе ребята хотят иметь новых зарубежных друзей.

Наш корреспондент Герман ЦВЕТКОВ рассказывает об обыкновенном пионерском лагере под Ярославлем, где он побывал по командировке «Костра».

У НАС МНОГО ОБЩЕГО

Люблю всякие неожиданности: неожиданность — всегда какое-то открытие. А открытие, согласитесь, всегда интересно.

Так было и на этот раз. Я сошел с электрички на станции Ташиха и направился по лесной дорожке к пионерскому лагерю «Березка» Ново-Ярославского ордена Трудового Красного Знамени нефтеперерабатывающего завода. Шел я туда для того, чтобы узнать, как ребята из Ярославля отдыхают, чем занимаются на каникулах.

Я думал, что, во-первых, надо спросить, какие в пионерском лагере есть кружки? Во-вторых, ходят ли ребята в походы? В третьих, занимаются ли спортом? В-четвертых...

О четвертом вопросе я подумать не успел — лагерь был уже передо мной. Белые каменные домики разбежались в разные стороны по зеленой лужайке, над домиками вытянули лапы сосны, а над соснами сияло солнце.

Но в лагере была странная тишина: никого не видно. Может быть, все отряды ушли в поход? Но разве так бывает, чтобы все разом? Я огорченно вздохнул, как вдруг...

Как вдруг лагерь наполнился музыкой, зазвучала песня. Песня на непонятном языке! Что такое? В чем дело?

А между тем из-за ближней дачи выступила группа мальчишек и девчонок в нарядных костюмах. Кто играл на скрипке, кто на аккордеоне, кто на не виданном мной раньше музыкальном инструменте — трубе, похожей на кларнет, но с клавишами как у рояля. За ними шли другие, которые не играли, а пели. А за теми еще ребята, но уже в привычной пионерской форме.

Наверное, дружинный фестиваль самодеятельности, — решил я. — Вот дождусь, когда со мной поравняется кто-нибудь из взрослых, и спрошу. Так я и сделал.

— Здравствуйте, — ответила мне пионервожатая. — Меня зовут Галина Николаевна Власова. Что у нас происходит? Приехали

День знакомства советских и румынских пионеров

Участницы концерта художественной самодеятельности

Сильнее дружбы силы нет!

**Принимают
в почетные пионеры**

Кто — на скрипке, кто — на аккордеоне, кто — на трубе. Замечательный концерт!

пионеры из Социалистической Республики Румынии. У нас День знакомства.

Вот ведь какая приятная неожиданность — познакомиться на волжской земле с ребятами из Румынии!

«Ну, а какое же здесь открытие? Во многие пионерские лагеря нашей страны приезжают ребята из социалистических стран», — можешь сказать ты.

Верно! Но узнать кое-что новое о жизни в братской стране — это тоже маленькое открытие. Так подумал я.

А на площадке возле белых домиков шел концерт. Одна песня сменяла другую, один народный румынский танец сменялся другим. Выступающего зрители награждали громкими аплодисментами.

С жизнью лагеря гостей познакомили очень обстоятельно. Сам директор завода, шеф пионерского лагеря, рассказал, как трудятся родители пионеров и вожатые пионерских отрядов. «Березка» — любимое детище завода, построен лагерь руками шефов.

К концу этого шумного и веселого дня я вспомнил, что собирался задавать вопросы, чтобы потом рассказать в «Костре» о жизни в «Березке». Но задавать вопросы уже не требовалось: я все узнал из рассказов самих ребят.

Марина Титова, первый отряд:

— У нас в лагере работает десять кружков. Все вместе они называются «Умелые руки». Руководитель Лев Петрович Лестов. Он учит ребят выжигать по дереву, создавать инкрустацию из соломки и дерева. А Михаил Васильевич Фузеин, преподаватель труда 21-й школы Ярославля, обучает чеканке.

Миша Спунктов, второй отряд:

— Есть авиамodelьный и судостроительный кружки. Кружок рисования! Рыбной ловли! Художественного вязания!

Перебивая друг друга, каждый хотел рассказать о своем. Гости поворачивались то к одному, то к другому.

Дана Розорес сказала своим новым подружкам:

— Я очень хотела бы остаться у вас хоть на полгода. Это все мне очень нравится.

Сорина Илиеску, тоже гостя:

— У нас много общего: и поиск героев, боровшихся с фашизмом, и дружба с рабочими предприятий, и охрана природы, и туристские походы, в которых мы изучаем родной край...

День в «Березке» пролетел для меня, как один час. Солнце уже опустилось на макушки сосен, и окна дач полыхали красным огнем. Скоро труба горниста просигналил отбой...

Салют
Международному
детскому
фестивалю
„Пусть всегда
будет солнце!“

САРАТОВ

ЖУРНАЛ ЮНКРОВ

Оформление Л. Каминского

«Пусть всегда будет солнце!» — под таким девизом в июле этого года в Артеке состоится первый международный детский фестиваль.

«Клуб разноцветных галстуков», «Олимпия», «Экран» и другие международные клубы по интересам проведут выставки рисунков, фотографий, прикладного искусства, плакатов, значков, почтовых марок на темы солидарности, мира и дружбы.

Заочный «Клуб разноцветных галстуков» проводит свое первое заседание на страницах «Барбана». Читайте рассказы своих зарубежных ровесников, побывавших в Артеке.

Видья Сагар, Индия:

— Я живу

на улице Ленина. Мой отец — коммунист. Я — пионер. Отец всегда говорит мне, что когда индийский народ боролся за независимость родины, примером в борьбе ему было первое социалистическое государство в мире — СССР.

Пионеры Индии учатся у советских ребят быть полезными Родине.

Мора Ньюмен, США:

— Как

в Артеке легко дышится! Какой чистый здесь воздух! И какие симпатичные люди — и взрослые, и дети. Идут к тебе с дружеской улыбкой, с открытой душой.

Моя мама была с делегацией в СССР и с восхищением рассказывала мне о вашей стране.

Советские ребята так заинтересованы в счастли-

ПУСТЬ ВСЕГДА
БУДЕТ
СОЛНЦЕ!

Рисунок Лены Устиновой, 5-й класс, 249-я школа, Москва

вы судьбах людей. Они всегда на стороне гордых, непокоренных. На стороне тех, кто отстаивает свои права, свою свободу.

АНИТА АЙТРАКИНЕН, Финляндия:

— Горжусь

тем, что попала в Советскую страну. У вас нет безработицы, нет бедствия. Это Великая Октябрьская социалистическая революция принесла людям то, что называется красивым словом — счастье.

Мы знаем, что за счастье народа борется Коммунистическая партия. У финских пионеров тоже есть девиз: «Берем с коммунистов пример».

Ивон-Мария Карвайо Перес, Куба:

— Думаю

ли раньше мой дедушка, что я буду сидеть в кругу ребят из Советского Союза и где? В Крыму! За тысячи верст от Кубы... В Артеке отдыхают ребята из многих-многих стран мира. И он гордо носит имя В. И. Ленина.

У нас на Кубе есть школа имени В. И. Ленина, где ребята учат русский язык. Мы хотим быть интернационалистами, как советские пионеры. Я еще не решила, кем буду, но знаю, что выберу профессию, которая будет полезна делу социализма.

О ДРУЖБЕ

Главное в дружбе,
Конечно же, вера.
Главное в дружбе —
Сила примера.

Если примером
Ты будешь для друга,
Вам не страшна будет
Зимняя вьюга.

Если же друг твой
Пример для тебя,
Дружба такая навеки
крепка!

Ира Андреева,
Алма-Ата

Белван Голсу-Морган, Сьерра-Леоне:

— Я всегда

мечтал попасть в СССР. И вот моя мечта исполнилась. Здесь, в Артеке, я почувствовал солидарность людей, которые борются за мир.

В артековском Дворце пионеров я увидел скульптуру Юрия Гагарина, первого посланца Земли в космос. По-моему, его улыбка, его мужественное лицо — символ прогрессивного человека.

Соня Волозо, Португалия:

— Мне

больше всего запомнился артековский вечер, посвященный памяти пионеров-героев. Вот у кого надо учиться выдержке, стойкости, целеустремленности. Мне двенадцать лет, почти столько же, сколько было многим советским пионерам, во время Великой Отечественной войны погибшим за свободу Родины.

Я теперь знаю, почему советский флаг красного цвета, что означает изображение серпа и молота на флаге! Это символ союза рабочих и крестьян в деле построения социализма и коммунизма.

Мы, пионеры Португалии, издаем газету «Первое июня» — в честь Международного дня защиты детей. В ней мы пишем: «Не хотим войны! Хотим свободы! Хотим учиться!» Дети — тоже большая сила!

Записала рассказы **Е. ИВАНОВА**

СВОБОДА

И хоть сильна же хунта,
Но все ж народ сильней.
И хоть могуча хунта,
Но все ж народ смелей.

Расстрелями и казнями
Не запугать народ.
Свободой сердце бьется,
Свобода не умрет.

Эльмар Зейналов,
5-й класс, школа № 111,
город Баку

ПАМЯТИ БОЙЦА- ПАНФИЛОВЦА

Как-то в школьном музее боевой славы четвероклассники увидели фотографию Георгия Юрлова. «Кто он!» — спросили ребята директора музея.

— Капитан многих боевых наград. Был в рядах прославленной гвардейской Панфиловской дивизии с дней ее формирования до самой победы. В Алма-Ате где-то живет его сестра. Писатель Дмитрий Снегин упоминал его в своих произведениях...

К сожалению, ребята, больше рассказать ничего не могу, — развела руками директор музея Людмила Лесникова, — документов в музее у нас никаких нет.

Вскоре в отряде 4 «б» класса проходил пионерский сбор. Ребята уже узнали к тому времени, что Юрлов участвовал во многих важных сражениях, проявлял мужество и героизм. Сбор решил, что отряд будет бороться за присвоение имени панфиловца Георгия Ивановича Юрлова.

Начали поиск... Оперативную группу следопытов возглавил Слава Севрюгин. Ребяткам сразу повезло. В телефонной книге они нашли несколько Юрловых, но быстро попали по нужному адресу. Оказалось, искать надо сестру Юрловых — Мухому. Вскоре в пионерском музее состоялась встреча с сестрой героя. Ребята узнали о детских и юношеских годах Георгия, о том, что семь классов он закончил на отлично, получил в училище при заводе специальность литейщика, был передовым рабочим.

В поиске следопытам помог писатель Дмитрий Снегин, автор книги «Парламентер выходит из рейхстага». Постепенно был создан альбом о Георгии Юрлове. Но ведь мало узнать все о герое. Нужно быть отличным отрядом — дружным, правофланговым. Пионеры участвовали в сборе желудей для

В музее боевой славы

подшефного совхоза, все подписались на «Пионерскую правду» и газету «Дружные ребята», заняли второе место в празднике пионерских ритуалов.

На торжественном сборе памяти бойца-панфиловца Г. Юрлова отряд был присвоен имя героя.

В. ПОДОЛЬСКИЙ,
вожатый школы № 55, г. Алма-Ата

ГОТОВИМСЯ К ФЕСТИВАЛЮ

(Вести из КИДов города Новосибирска)

Когда мы узнали, что в Артеке будет проходить Всемирный детский фестиваль, сразу стали разучивать песни народов разных стран. Начали готовить выставку рисунков, поделок. Обязательно будем участвовать в этом фестивале!

Таня Беляева,
5-й класс, школа № 95

Наш КИД организовал сбор макулатуры в фонд Мира.

Конечно же, этот фестиваль поможет сдружиться детям многих стран. Мы желаем детям всех континентов: «Пусть всегда будет солнце!», будет безоблачным небо, не будет войн.

Ася Гладышева,
Марина Голычкова
6-й класс, школа № 156

Средства от сданной макулатуры и металлолома пионерская дружина направляет в фонд помощи чилийским детям.

Игорь Яловый,
5-й класс, школа № 95

В Артеке пройдет первый международный детский фестиваль! Я надеюсь, что он еще больше укрепит дружбу детей разных стран.

В нашем клубе интернациональной дружбы нам рассказывали о Кубе, о Чили, о Чехословакии. В школе пройдет малый детский фестиваль.

Яна Гокина,
5-й класс, школа № 95

В НАШЕМ КУКОЛЬНОМ ТЕАТРЕ

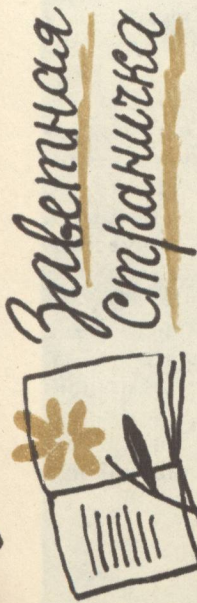
Артисты этого кукольного театра — пионеры, все учатся в третьем, четвертом, пятом классах. Театр работает при Дворце пионеров города Бреста. Руководит им Галина Семёновна Руднева.

Как нам нравится готовить спектакли! Здесь мы все делаем сами: помогаем нам только члены кружка мягкой игрушки да ребята из художественной студии Дворца.

Почти семьдесят человек занимаются в нашем кружке. В прошлом году звание «лучший кружковец» получили Лена Мельничук, Валя Мицкевич, Лена Гичко.

Совет кукольного театра

Заветная Страничка

Село у нас красивое. Особенно вишневый сад возле школы. Каждую весну расцветают вишни, белые-пре-белые, словно школьницы-выпускницы в белых платьях.

— Давно это было, еще до войны, — рассказывала мне мама, — тогда такой большой и красивой школы, как сейчас, не было, а стояло небольшое деревянное здание школы-семилетки. Работал в ней Николай Алексеевич Поляков, учитель биологии. При нем завелся обычный — сажать у школы деревья, если в этот год кончаешь школу. Это Николай Алексеевич заложил такой красивый вишневый сад...

Прошло время, зазеленели вишневые деревья. И вдруг однажды поздним вечером в окно Николая Алексеевича кто-то постучал:

— Кто там? — спросил учитель.

— Это я, Витя Даровский. Холод ударил, заморозок! Костры нужно жечь, а то пропадут деревья...

— Беги, созывай ребят, — только и сказал Николай Алексеевич.

Через полчаса ребята были в сборе. И не только ребята. Взрослые тоже пришли помочь школе.

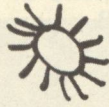
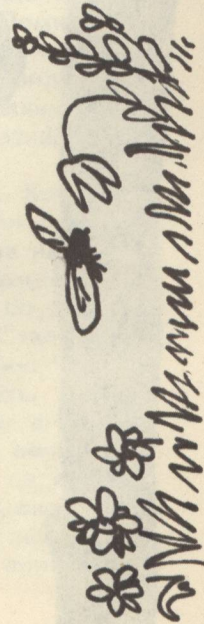
Всю ночь горели костры. Дым окутывал деревья, не давал морозу погубить их. Ни одно деревце не пропало!

Тамара Салалова,
Брестская область

Утро

Рано-рано утром звезд померкнет свет,
Побежит по лужам розовый рассвет,
И когда на листьях высохнет роса,
На цветок опустится первая оса.

Саша Путляев,
4-й класс, Москва

— Я спросила своего четырехлет-
него брата:
— Дима, ты старый?
— Нет, — сказал он. — Это бабуш-
ка старая, а я новый!

Пришла
Лена Павлова,
село Волково
Пензенской области

Света подошла к карте и, показы-
вая на ней точку, сказала братишке:
— Андрюша, здесь мы живем!
— А почему подъезда не видно?

Пришла
Таня Селезнева,
поселок Ставрово
Владимирской области

Маленькая Наташа учится читать.
— Би-рю-са...
— Какое слово получилось?
— Холодильник!

Пришла
Марина Чигвинцева
из Ижевска

— Саша, пойдем в кино!
— Нет, я еще уроки не сделал!
— А чего их делать? Ведь ты все
равно отличник.

Пришла
Люда Пономарева,
Талды-Курганская область

Накануне праздника мама сказала
Андрею:
— Андрюша, надо идти подстри-
гаться — праздник на носу!
Андрей переспросил:
— А какой праздник бывает на
носу?

Юра Крючков,
Нижний Тагил

ПАХАРИ, СТАВШИЕ ДЕРЕВЬЯМИ

Деревья и кустарник на склоне холма, внизу журчит небольшая речушка, до самого горизонта — поля. С незапамятных времен здесь, в приморской части Литвы, люди пахали землю, растили коней, пели песни, пересказывали легенды дедовской поры. Среди них и такую: после смерти каждый пахарь превращается в дерево и охраняет покой живых.

Слышал ее не раз и молодой крестьянин Ляонас Даусинас. Только не знал он, что преждевременная смерть сделает его самого героем легенды и люди специально будут приезжать сюда и подниматься на древний курган, чтобы отдать дань уважения ему — простому пахарю, превратившемуся в дерево.

По соседству другая скульптура: застывшая на бегу женщина. У ног ее девочка с косичками, другая малышка на руках. Над этой группой возвышается мужская фигура. Это отец старается закрыть от беды жену и детей. Внизу написано: «В память о семье Повиласа Жебраускаса».

Еще один ствол дерева — это девушка с длинными косами, которую терзает орел.

На том месте, где веками стояла маленькая литовская деревня, теперь тридцать деревянных скульптур — тридцать памятников ее жителям. И каждый из них — напоминание о той трагедии, что произошла в Аблинге.

* * *

«...Иногда я слышу, как мои подруги ругают своих бабушек. А я завидую этим девочкам. Я бы очень хотела иметь бабушку. Я бы ее очень любила и во всем ей помогала. Мою бабушку в Аблинге убили фашисты. Мама была тогда меньше, чем я сейчас. Но она хорошо помнит, как расстреляли бабушку и дедушку. Мы часто всей семьей ездим в Аблингу и кладем цветы к подножию их памятника. В тот день погибла вся деревня».

Эти строчки написала школьница Вида Венскуте. Она живет в маленьком городке Свекшна близ Клайпеды. Мама ее Евгения Венскене работает санитаркой в больнице. Со дня гибели ее родителей прошло 36 лет. Но каждый раз, когда она вспоминает те страшные события, которые на ее глазах произошли в Аблинге в июньский день 1941 года, она не может говорить спокойно.

— В сумерки отец вышел из дома и направился к соседу, чтобы помочь ему подковать лошадь. Но неожиданно вернулся и сказал мне: «Со двора не ходи и брата не отпускай!» Братишке еще и пяти лет не было. Голос у отца был строгий. Я сразу почувствовала — что-то случилось. Отец рассказал, что увидел у колодца немецких солдат. Он не мог понять, как они здесь появились. Ведь в деревне еще не знали, что началась война. Вскоре в дверь постучали. Вошел немецкий солдат с большой книгой в руках и приказал всем выйти из дома. Иначе будет плохо. Родители поспешно повели нас на ближний луг

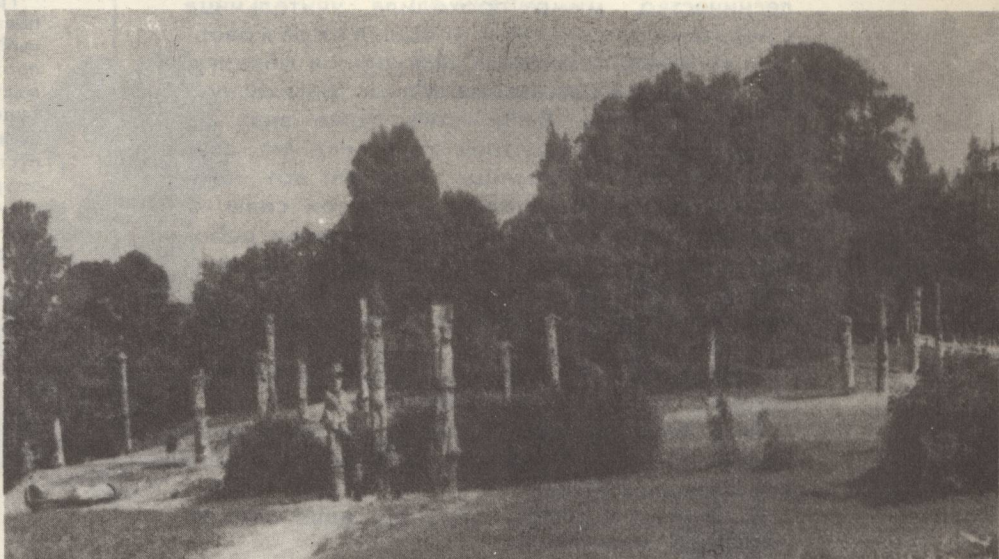
Мастер
Ионас Лукаускас

Фото Бернардаса Алекнавичуса

Мастер В. Савицкис

за оврагом, который окружает деревню. Расположились на ночевку. Но никто не мог уснуть. Тревога взрослых передалась и нам. На рассвете увидели первый пожар в деревне. Потом весь день пылали усадьбы. До нас доносился жалобный рев животных. Помню, как нас отыскал дядя, брат отца. Он пришел из соседней деревни и сказал, что сам видел, как жителей Аблинги сгоняли в деревянные бараки, где раньше помещался магазин, и на дверь навесили большой замок.

Пожар в деревне все разрастался. Когда отец увидел, что горит и наш дом, он бросился бежать, а мама за ним. Нам она наказала никуда не ходить. Стало уже темнеть, но никто за нами не приходил. Вдруг со стороны оврага послышались выстрелы. Схватив брата за руку, я побежала в ту сторону. Что там происходило, трудно пересказать. По краям оврага сидели пьяные фашисты и командовали, глядя вниз: «Лечь — встать, лечь — встать». Несколько солдат спрыгнули на дно оврага, и раздались выстрелы. Не знаю, сколько это продолжалось. Я все на свете забыла от горя и страха. Очнулась, когда поняла,

что братишки нет рядом. Бросилась его искать. И нашла возле мамы. Он тряс ее холодную руку и, плача, звал домой.

Какие-то люди повели нас в лес. Туда на завтра пришел за нами дядя, папин брат.

От дяди я узнала еще об одной потере в нашей семье. Оказалось, что вечером, после того, как мы ушли из дома и скрылись за оврагом, навестить нас из соседней деревни приходил обеспокоенный дедушка, отец мамы. Люди видели, как старик с палкой пересекал дорогу. Вместе с другими жителями Аблинги фашисты сначала загнали его в барак, а потом расстреляли.

Клайпедский народный мастер Витаутас Майорас рассказал:

— Вы знаете, идею подсказали мне школьники. Однажды, когда я работал у самой дороги, мастерил указатель в Шарнайское лесничество, мимо проходила учительница с ребятами, и я невольно услышал их разговор. Они возвращались после экскурсии в Аблингу, и учительница рассказывала про трагическую гибель деревни. Я, конечно, тоже знал об этом. Ведь я — уроженец этих мест. Но, слушая рассказ учительницы, я понял: вот чему нужно отдать весь талант, все свои силы, — это памятник в Аблинге! Я пригласил работать вместе со мной народных мастеров, резчиков. Меня дружно поддержали. Вот так начинался коллективный памятник в Аблинге.

...Иполитас Ужкурнис первый установил готовую статую на кургане.

Тихо было кругом, когда к резному дубу подошел Юозас Жебраускас и долго в него всматривался.

— Это мой отец, — наконец, едва слышно сказал он и заплакал.

Е. КИСЕЛЬЕР

СТИХИ ГРИГОРИЯ КАЛЮЖНОГО

Заслышав гул самолета, мальчишки задирают головы вверх, глядят в небо и мечтают стать летчиками. По ночам им снятся облака и электрическая россыпь Млечного Пути, прямого, как взлетная дорожка аэродрома. Днем они бредят полетами и учатся быть бесстрашными. Потому что иначе их руки не лягут на штурвал, и тело не насладится стартовой дрожью самолета, и полет мысли не опередит стремительного взлета серебряной птицы.

Григорий Калюжный — летчик и поэт одновременно. Высокий и стройный, он вместе со своими товарищами проходит по летному полю и занимает место штурмана в «ТУ-134». Пусть будет туман или пурга, дождливая ночь, в которой не видно ни зги, пусть солнце слепит глаза пилота — штурман Калюжный не собьется с пути. А потом, на земле, в гостинице для летчиков или дома придут строчки стихов.

И они вернут нас в детство — в ту пору, когда, заслышав гул самолета, мальчишки задирают головы вверх, глядят в небо и мечтают стать летчиками.

Г. ЧЕРКАШИН

Шла осень, отпунцовывая кроны,
И зеркало прозрачного ледка
Светилось, как вечерние перроны,
Под ним, слабея, медлила река.
Вползала стужа в города и щели.
Вмерзали клином журавли в простор.
Я стал на лед.
И взвыли льдов качели,
И в пятки ухаю, поплыл сосновый бор.
Пружина с хрястом,
Трепеща хрящами,
Хмелея, лед сиял, как зубоскал,
И разлетались трещинки лещами,
Волнуя люд, наплывший на причал.
— Не балуй, парень!
— Что ты, хлопец, спятил?!
— Куда тебя нечистая несет?!
Кричали мне, дружков моих попятив.

Но лед звенел, пленяя, как полет.
 Но лед манил, шептал:
 — Что медлить толку?
 Вот лучший случай
 Страх в себе тряхнуть,
 И я пошел по речке впританцовку,
 Улыбкой пересиливая жуть.

Я набирал спасительную скорость,
 Винтом что мочи
 Ввинчиваясь в даль.
 Как пенье пуль река вокруг кололась,
 И облака горели как дюраль.
 И мнилось мне:
 За правоту так смело
 Я буду рваться во главе атак...
 В последний миг мое немое тело
 С немалым риском выловил рыбак.
 Он сумасшедшим по лесу метался,
 Таранил сосны, сламывал сушняк.
 Он спички уговаривал, ругался
 И сильно дул в огонь, чтоб разгорался,
 И все не мог прийти в себя никак.
 Войной не раз отмеченный, плечистый,
 Он кипятик вручил мне
 — Пей, «Чапай»!
 И первый снег
 Язвительно лучистый
 Из чаши неба лился через край...

Корку хлеба
 Я несу в кармане,
 В носовой запеленав платок,
 Зная это,
 Воробьи заране
 Во дворе
 Сплетаются в клубок.
 Хвастают вовсю,
 Мол, наш знакомый,
 Надо мной
 Рискованно скользя.
 Кто из них ведущий,
 Кто ведомый —
 Разобрать со стороны
 Нельзя.
 Я до крошки
 Раздаю им ужин.
 Говорю: все, братцы!
 По нулям...
 Мне отрадно,
 Что я вправду нужен
 До костей продрогшим
 Воробьям.

Рисунки Г. Ясинского

БЕГЛЕЦЫ

Айрин ХАНТ

Рисунки А. Слепкова

Хови немного опоздал, потому что около получаса рылся в груде ящиков на пустыре за продовольственным магазином; он потратил эти полчаса не впустую — опередил крыс, и ему, а не им достался подгнивший апельсин. Перочинным ножом он отрезал испорченные дольки, а остальное разделил на две части — себе и мне, и теперь улыбался до ушей, радуясь, что может угостить меня таким лакомством.

Потом я сказал Хови о своих планах.

— Не могу больше. Уйду куда глаза глядят, только бы не видеть отца. И мама тоже — с ним заодно. Только и мечтают от меня избавиться. Да и я не заплачу тоже...

Хови пожал плечами. Наверное, наши семейные дразги казались ему пустячными.

— Пожалуй, я отправлюсь с тобой, Джош, — сказал он вдруг с такой легкостью, словно речь шла о прогулке в соседний двор.

— Что скажет твоя мама?

В глазах Хови заблестели льдинки.

— Ты что, смеешься надо мной?

— Хочу быть уверен, что никто не обратится в полицию с просьбой о поимке двух беглецов.

— Можешь на этот счет не беспокоиться. Мы помолчали с минуту. Потом я сказал:

— Мы справимся, верно, Хови?

Тут же его холодность сменилась жарким энтузиазмом, будто в нем повернули выключатель.

— Конечно, справимся. Знаешь, да мы самые большие богачи во всем городе, у нас есть то, в чем люди так нуждаются. Пусть времена тяжелые, а без музыки никто обойтись не может. Ведь мы с тобой музыканты, Джош, настоящие музыканты, сам знаешь. Найдем какую-нибудь забегаловку, ресторанчик или танцевальный зал, и народ валом повалит, чтобы нас послушать.

Я тоже разволновался:

— Отыщем маленький городок. Чикаго слишком велик и уродлив; да и мой старик тут под боком. В маленьких городах дела, наверное, обстоят лучше.

— Верно. Айда на запад или на юг, там зимы короткие. Всю жизнь мечтал поглазеть на запад. Поедем в товарном вагоне...

Нас прямо лихорадка била. Сидя на кромке тротуара, мы строили планы, перебивая друг

Повесть американской писательницы Айрин Хант рассказывает о голодных, отчаявшихся людях, переживающих время великого кризиса в начале тридцатых годов нашего столетия.

Мужчины, отцы семей теряли работу, подработки становились невольными нахлебниками, уходили из дома...

Мы печатаем два небольших отрывка из книги «Недобрый ветер», которая выйдет в издательстве «Детская литература» в 1978 году.

друга, предлагая новые идеи. В тот час нам все казалось под силу.

Вдруг из тени выросла маленькая фигурка. Это был мой брат.

— Что тебе здесь надо? — спросил я хмуро.

— Я поеду с тобой, Джош, — сказал он тихим голосом.

— Откуда тебе известно, что я уезжаю?

— Я слышал твой разговор с мамой. Джош, я поеду с тобой.

— Даже не мечтай! Ты слишком мал. Тебе за нами не угнаться, сам понимаешь.

— Хови, уговори его взять меня, — Джой поднял полные мольбы глаза на моего друга. В тот миг я понял, что в конце концов уступлю.

Джой неспроста обратился к Хови — Хови был ему другом. Они часто сидели вместе на школьных ступеньках, греясь на солнышке, и Хови учил Джоя играть на банджо. Иногда Джой пел, а Хови ему аккомпанировал, и лица их светились от удовольствия. Хови, в отличие от меня, был добр и терпелив с Джоем, относился к нему с уважением.

— Почему бы не взять его, Джош? — заговорил Хови.

— Рано ему. Он слишком хил и будет нам обузой. Наш план хорош, а он спутает все карты.

— Но ведь он умеет петь, — произнес Хови, точно размышляя вслух. — У него приятный, чистый голос, он почти не фальшивит. Народ скорее пойдет послушать ребенка, чем взрослых певцов. Так что Джой себя прокормит.

— Сказал же я — он останется, я его не беру, и точка!

— Тогда, Джой, может, нам поехать с тобой вдвоем? А Джош пусть остается и командует кем-нибудь еще, если ему так нравится. Мы с тобой порепетируем и найдем себе подходящую работенку.

Хови подмигнул Джое, и брат расплылся в торжествующей улыбке. Я страшно разозлился на них обоих, но про себя не мог не признать, что если бы художник нарисовал эти два исхудавшие от недоедания лица, озаренные весельем, если бы художник мог уловить их выражение, мировая вышла бы картина!

...Так все решилось, и той же ночью мы с Джоем, крадучись, вышли из нашей комнаты. Мы прихватили старый картонный чемодан,

в который уложили кое-какую одежку, рваное одеяло и несколько спичечных коробков. Спичкам я придавал особое значение. Где-то я читал про экспедицию, которая тщательно подготовилась к путешествию, все было уложено, учтено. Но она окончилась неудачей только потому, что позабыли такой пустяк, как спички. Я обшарил дом и забрал все коробки, какие мне попались.

Хови ждал нас в проулке с банджо и узелком под мышкой. Несколько часов мы поспали на скамейке в парке, а на рассвете пришли в столовую Армии спасения. Она только что открылась, и народу пока было мало. Высокий человек с усталым лицом, покачивая головой, дал нам по миске овсянки, но велел больше не приходить: эта еда — для мужчин, которым целый день стоять в очередях на биржах труда, а не для сбежавших из дома детей.

В первый же день я убедился, как прав был Хови, настояв, чтобы мы взяли с собой Джоя. После полудня на углу улиц Рендольф и Уобаш мы впервые попытались счастья в искусстве попрошайничества. Вернее, пытались счастье Джой и Хови. Оба были небольшого роста и годились на это дело. Русые волосы Джоя хорошо сочетались с большими карими глазами на желтоватом лице Хови. Я смешался с толпой, наблюдая за их представлением со стороны.

Джой пел, и его личико светилось, золотая челка то и дело спадала на глаза. Голос его был хоть и жидковат, но чист и нежен. Хови хорошо ему аккомпанировал, получалось как надо. Хови, точно настоящий артист, перебирал струны в веселом арпеджио и таинственно улыбался Джою. Прохожие останавливались, чтобы поглядеть на них. Кое-кто улыбался, а чьи-то мрачные лица делались еще грустнее. Многие протягивали руки к перевернутой кепке Джоя и опускали в нее пятицентовики и другие мелкие монетки.

Хови и Джой закончили представление в сумерки. Они набрали семьдесят восемь центов. Мы купили горячих сосисок и буханку хлеба, и еще у нас оставались деньги на завтрак. Мы давились едой и ликовали. Если пение Джоя и банджо Хови способны прокормить нас, то можно представить, как пойдут дела, когда мы отыщем ресторан или танцевальный зал, где будет пианино! Я буду играть популярные мелодии, Джой — петь. Теперь я вынужден был признать, что недооценивал Джоя. Он утер мне нос.

Когда стемнело, мы улеглись рядышком под лестницей, ведущей на платформу надземки, и немного поболтали вполголоса, повторяя, будто припев, слова: «Мы справимся, вот увидите, справимся!» Так часто твердили одно и то же, что когда заметили это, весело рассмеялись.

Джой и Хови очень устали. Вскоре они уже спали, прижавшись ко мне и согревая друг друга, но я не мог уснуть. Порывы ветра заносили под лестницу обрывки старых газет и

облачка пыли. Над головой то и дело грохотали поезда, но вскоре я привык к шуму и перестал его замечать.

Какая-то женщина заглянула под лестницу и долго стояла, прислонившись к столбу. Она была так близко, что я мог дотронуться до нее, но она не заметила нас. По ее лицу текли слезы.

Поздно ночью в ярком свете луны появился полицейский. Увидев нас, он остановился. Я зажмурился, и он решил не будить нас. Постоив немного, он медленно зашагал прочь.

На следующее утро мы позавтракали так, как давно не ели дома, и отправились на товарную станцию. У нас оставались деньги на трамвай, поэтому, расспросив прохожих, мы сели в нужный номер и с шиком доехали до железнодорожной станции. Денег мы не жалели. Чего там, уедем товарняком куда подальше, потом Хови и Джой дадут еще одно представление, их выручки нам хватит на пропитание, пока не подыщем настоящей работы. У нас оставалась половина вчерашней буханки — съедем ее в дороге.

На товарной станции мы увидели огромное множество стальных путей. Взад и вперед сновали паровозы, тут же грузили вагоны, сцепляли составы — такое вокруг творилось! Полчища людей, не железнодорожников, крутились вокруг вагонов, заглядывали в них, ждали сигнала к отправлению.

Заслышав гудок, они прыгали в открытые двери вагонов или на буферную площадку, а потом, когда колеса набирали скорость, взбирались на крышу.

Если в толпе попадалось приветливое лицо, я осторожно задавал вопросы, пытался выяснить что к чему, но таких лиц было мало. В тот год все мужчины казались одинаковыми — худые, хмурые, злые. Однако нам попался один довольно дружелюбный человек. Он сказал мне, что уже пятнадцать лет бродяжничает. Когда мы признались ему, что пробираемся на запад, бродяга без лишних вопросов показал на нужный состав и сказал, что он уходит в Айову после обеда и на следующее утро будет в Небраске. Нам это подходило: во-первых, Небраска — «Запад», во-вторых, далеко от Чикаго.

Я спросил у бродяги о железнодорожной охране. На самом деле они так жестоки, как пишут газеты и журналы? Бывает, ответил он, особенно, когда начальство на них давит и грозит увольнением. Он сам видел, как охрана сбрасывала людей с поезда, но однажды он был свидетелем того, как взбешенная толпа безбилетников столкнула на полотно контролера. А иногда охранники и «зайцы» сидят мирно рядышком, болтают, играют в карты, словно закадычные дружки. Все зависит от случая, как повезет.

Не опасно ли прыгать на ходу, спросил я. Да, он видел, как подростки, а иногда и взрослые мужчины погибали по неосторожности. Большие грузы древесины или металла

могут накрениться при внезапном толчке или остановке и придавить зазевавшегося «зайца». Некоторые, не рассчитав скорости поезда, прыгали в вагон слишком поздно. В таких случаях несчастные часто лишались ног.

Мне стало не по себе — я ужасно испугался за Джоя. Он хилый, маленький, не такой ловкий, как полагается быть в его возрасте. Джой редко прыгал, не лазил по заборам, не гонял на велосипеде, как я в его годы; он слишком долго хворал. Хови тоже тонкий и ростом мал, но зато увертлив, его воспитали чикагские трущобы и улицы, запруженные машинами. Я был уверен в Хови — он не подкачает, но беспокоился за Джоя.

Мы отыскиали открытый вагон, груженный большими мешками с известью, которой фермеры удобряют поля. Среди сложенных в штабеля мешков можно было легко укрыться от не слишком дотошных сторожей. Все зависит от того, как повезет. Мы огляделись по сторонам и шмыгнули внутрь. В течение целого часа, оставшегося до отправления состава, к вагону никто не подошел. Постепенно мы освоились с обстановкой, будто ехали по билетам.

Когда поезд уже набирал скорость, в наш вагон вскочили трое усталых и мрачных мужчин. Им было не до нас, даже друг с другом они не разговаривали.

Мы выбрались из Чикаго и через час-другой уже катили мимо ферм и маленьких городков; поля с засохшими стеблями кукурузы призрачно темнели в надвигающихся сумерках; речки обмелели от летней засухи. Потом сразу стемнело, и только фонарь паровоза рассекал черноту где-то впереди, далеко от нашего вагона, — состав растянулся почти на милю.

В тот вечер разговор не клеился. Мы молчали, каждый думал о своем. Хови было побренчал по струнам, но звуки банджо навевали тоску. Мне было невмоготу их слышать, и я обрадовался, когда он покачал головой и отложил инструмент.

Оставшиеся полбуханки хранились у Джоя. Некоторое время спустя он достал хлеб, и Хови нарезал его перочинным ножиком. Мы ели медленно, пережевывая каждую крошку, чтобы растянуть удовольствие. Джой первый прикончил свою долю, и Хови протянул ему корку от своего куска.

— На, Джой, ешь. Я не люблю корки, — соврал он, глазом не моргнув. Ну и артист этот Хови!

Дробный стук колес вскоре убаюкал нас. Говорить было не о чем, мы прислонились к высокой горке мешков с известью и закрыли глаза. Внезапно вспомнив предупреждение бродяги о тяжелых грузах, я вскочил и осмотрел мешки. Горка казалась прочной, как каменная стена. Я успокоился и уснул.

Едва забрезжило утро, в вагон вошли два железнодорожных охранника. Один из них пнул меня в голень, не слишком больно, но увесисто, давая понять, что шутить не намерен.

— Вставайте, детки, через четверть часа вам сходить. И смотрите, больше не попадайтесь.

Один из трех взрослых «зайцев» в углу что-то крикнул охраннику, я не расслышал, что именно, но тон у него был свирепый.

— Мы выполняем приказ, приятель. Это наша работа. В вагонах полно безбилетников. Ты тоже сойдешь, братец. Обождите следующий товарный состав, может, с ним вам повезет больше.

Когда поезд остановился, мы сошли. Было еще темно и холодно, только тускло светили станционные огни. Вдоль всего состава из товарных вагонов выпрыгивали мужчины и подростки, словно напуганные крысы, покидающие корабль.

Я подал Джую руку, когда он прыгал вниз. У него затекли ноги — спал он в неудобной позе. Он еще не пришел в себя и спросонок не понимал, что происходит. Хови беззлобно ругался, держа в одной руке банджо, а другой помогая Джую.

Пыхтел паровоз, кричали и чертыхались люди, копошась у состава. Внезапно со стороны города, из-за путей до нас донесся нарастающий гул. Мы замерли, прислушались и в предрассветной мгле увидели, что на нас надвигается людская стена. В руках у них были дубинки и вилы, и до нас уже долетали злобные выкрики.

— Эй, вы, ни с места! — заорал огромный детина, выступая из толпы вперед. — Уносите свое пустое брюхо куда-нибудь дальше. У нас хватает голодных ртов. Еще шаг — и мы вас забьем дубинками, как паршивых собак.

С нашей стороны раздался свист, улюлюканье и возгласы гнева.

— Что вы хотите, — закричал какой-то безбилетник, — чтобы мы под колеса бросились?

В ответ раздался дружный хор:

— Да, да, хотим!

Это напоминало кошмарный сон. В голове у меня пронеслась мысль: «Джюю всего десять лет, такая ругань не для его ушей».

Вдруг рядом с нами оказался тот бродяга, с которым я познакомился на чикагской товарной станции.

— За мной, ребята. Как только поезд тронется, мы снова в него прыгнем. Больше ничего не остается. Я помогу малышу. И вы держитесь поближе.

Казалось, прошла вечность, прежде чем раздался гудок и поезд начал двигаться. Люди бежали рядом с ним, готовясь к прыжку. Видно, охрана на все махнула рукой: нельзя же сбрасывать людей под колеса на верную гибель.

Бродяга поднял Джоя, как куль с мукой, швырнул его в пустой вагон и закричал мне и Хови:

— Осторожно — встречный поезд!

И верно, прямо на нас мчался пассажирский экспресс, а я от волнения его даже не заметил. Паровозные фары стремительно надвигались на нас, слепя глаза. Я ухватился

за половицы товарного вагона, подтянулся и перемахнул внутрь. Это было не трудно: состав пока еще не набрал скорость.

Присев на корточки, я протянул руку Хови, но он почему-то замешкался.

— Эй, держи банджо, — закричал он и, отпрянув назад, подал инструмент в мои протянутые руки. Что случилось потом, я не знаю и не узнаю никогда. Банджо коснулось моих рук, и в тот же миг я увидел, что пассажирский экспресс подкинул тело Хови, как щепку, и бросил его на рельсы.

Меня охватило безумное намерение прыгнуть вслед за ним. Позади охнул Джой.

— Держи его! Не пускайте! — гаркнул бродяга.

Крепкие руки схватили меня и швырнули на пол, в угол вагона. Я впал в забытие и надолго потерял способность соображать...

Мы с Джоем сошли с поезда к вечеру. Известие о несчастном случае облетело весь состав, и охрана притихла, в наш вагон они больше не заглядывали. Сошли мы по собственной воле — вагон и поезд неотвязно напоминали о гибели Хови.

На крошечной станции никто не обратил на нас внимания. Лицо Джоя опухло от слез, у меня тряслись ноги, я едва шел. Хотелось есть, но мы оцепенели от горя, и моя предприимчивость улетучилась. Я не мог заставить себя попросить работы, еды и ночлега, потому что в тот вечер ни на что не был годен: ни колоть дрова, ни складывать их в поленицы. То и дело спотыкался и держался за плечо Джоя, чтобы не упасть. Мы немного прошли вдоль полотна и присели обдумать свое положение.

Один из мужчин, сошедших с поезда, остановился подле нас. Он и другие уже успели зайти в станционную лавчонку и купить кое-чего съестного. В руках у него было с полдюжины консервных банок.

— Мы тут с ребятами надумали готовить ужин, — сказал он. — Пошли с нами, чего-нибудь и вам, мальцы, перепадет.

Чистое безумие отказываться от угощения, но когда я взглянул на Джоя, он отрицательно покачал головой. И я его понимал. Мы были слишком ошарашены случившимся, чтобы проводить вечер в обществе незнакомых людей; хотелось спрятаться куда-нибудь, подальше от чужих глаз, и остаться наедине с нашим горем.

Я вежливо поблагодарил мужчину и сказал, что мы не можем терять времени.

— А куда вы спешите? В какие края?

Это был уместный вопрос, но я не знал, что ответить, поднял на него глаза и покачал головой.

— Так я и думал, — сказал он и бросил банку бобов к ногам Джоя. — Ну что же, желаю удачи, мальцы. Проситесь на попутные машины, а к поездам после того, что случилось,

не подходите. И вот мой совет: возвращайтесь-ка к папам и мамам, ежели они у вас есть!

Он зашагал по шпалам, ни разу не обернувшись. Мы с Джоем смотрели ему вслед, пока он не исчез из виду, потом поднялись и, сойдя с насыпи, пошли полем. Шли в полном молчании, крепко держась за руки. Никогда раньше Джой не был так дорог мне, как в эти сумерки. «Мы остались одни, — думал я. — Хови не вернется, надо к этому привыкнуть. Нас теперь двое».

Поле пересекал овраг. Через глубокий, высохший ров, заросший травой и сорняками, был перекинут мостик. Мы решили укрыться во рву от студеного ветра, который хлестал еще сильнее, чем прошлой ночью в Чикаго.

Положив наши узелки, одеяла и банджо на ворох опавших листьев, мы присели передохнуть. Уже стемнело, над пустынным полем нависло зловещее безмолвие. Внезапно издалека донесся гудок паровоза и перестук колес. Мы вздрогнули. Наверное, теперь всякий раз, слыша звуки поезда, я буду вспоминать гибель Хови.

В ту ночь под мостом мы с Джоем дали волю слезам. Давно я не плакал, с малолетства. Была во мне упрямая жилка — как бы ни было больно, нюни не распускал. Но тут я не мог сдержаться.

В конце концов я взял себя в руки, открыл ножом консервную банку и разделил бобы поровну.

— Может, вернешься, Джой? — спросил я. — Если хочешь, я отвезу тебя на попутных машинах в Чикаго, а потом уйду один.

— Значит, ты домой не пойдешь, даже если мы снова окажемся в Чикаго? — спросил Джой.

Я вспомнил лицо отца, искаженное злобой, представил, с каким презрением он меня встретит. Вспомнил мамины слова о том, что мне и впрямь лучше уйти из дома.

— Скорее помру с голоду, чем вернусь. Тебе ничего не будет, Джой, они даже обрадуются. Тебе ведь надо меньше еды, чем мне. А я... Я попытаю счастья в одиночку.

— И я с тобой, — упрямо мотнул головой Джой.

Я обрадовался его ответу, но не показал виду.

— Нам будет гораздо труднее найти работу без... Хови, — сказал я, — придется хлебнуть лиха, но, может быть...

Все-таки оставалось «может быть», слабая надежда. Еще двадцать четыре часа назад, под платформой надземки мы были так уверены в себе, в своем успехе. Будущее казалось лучезарным, мы хохотали от счастья. Только вчера это было...

Я спал недолго, неглубоким тревожным сном. Ночью подморозило, а к утру нас разбудили холодные капли дождя. Я достал еще одну куртку для Джоя и помог ему продеть затекшие руки в рукава.

Мы собрали наши пожитки и побрели по

сырому лугу, голодные и все еще скованные горем. Я хотел добраться до городка, там должна быть благотворительная столовая для бедняков, да и работа может подвернуться, вроде той, о какой мы мечтали с Хови. Но, вспоминая мужчин, встречавших наш поезд всего несколько часов назад на маленькой станции, я испытывал бессильное отчаяние. Есть ли на земле местечко, где Джою и мне будут рады?

Какую угодно работу: рыть канаву, чистить выгребную яму — совсем не обязательно играть на пианино, лишь бы заработать денег на завтрак!

В то утро городок нам так и не попался, но к полудню мы набрали на ветхий фермерский дом. Такой развалюхи я в жизни своей не видел, даже в районе трущоб, где жил Хови. На обнесенном глинобитным забором дворе валялись горы всякого мусора: гниющие доски, разбитая посуда, обломки игрушек, стульев и другой мебели. Единственным живым существом был надменный белый петух. С безразличием поглазев на нас, он зашагал прочь на длинных желтых ногах. Я решил, что хозяйева, такие же бедняки, как мы, покинули его, надеясь найти работу и пропитание в другом месте.

Мы вошли внутрь и быстро все оглядели. В доме хоть шаром покати, если не считать ржавой кухонной плиты. Мы ей очень обрадовались, собрали во дворе щепки и старые газеты, и вскоре огонь обогрел наши тела и души. Джой припал к плите, чтобы высохла сырая одежонка. Губы его заалели, и он улыбнулся мне.

— Запах мировой, точно, Джош? — он показал на дым, проникавший сквозь дверцы плиты. Действительно, пахло уютом и теплом. Скорбь по Хови отпустила, притуплялась.

Я вышел во двор, надеясь отыскать огород, припрятанную картошку или репу. Очевидно, еще летом здесь кто-то жил, раз петух уцелел. Наконец, я наткнулся на огород, но не нашел там ни единой картофелины, ни одной репы. Только сорняки и трава. Все съедобное подобрали подчистую. И тут меня осенило — все, кроме петуха!

Он оказался чертовски любопытным, этот старый петух. Подойдя вплотную, он изучал меня, позабыв об осторожности. А между тем над ним нависла смертельная опасность. В моем воображении возникло аппетитное видение дымящегося куриного бульона.

Я метнулся к нему, и он дал деру. Мы оба были в то утро не в лучшей форме, но у обоих не было выбора. Пару раз мы обежали вокруг дома на предельной скорости; в конце концов ему не повезло — запутался в мотке проволоки, переброшенной через изгородь. Тут я его и настиг, испытав при этом прилив счастья — теперь Джой и я хоть на время обеспечены едой!

Мы принялись за петуха. Нашли старый таз, согрели в нем воду — в горячей воде птицу

легче ощипывать. Потом долго варили петуха в том же тазу. Покопавшись в кучах хлама во дворе, Джой отыскал треснутую фарфоровую чашку и подлинное сокровище — солонку, на дне которой сохранилась горстка отсыревшей соли. Мы выскребли соль и посолили бульон.

Этот петух был, несомненно, самым жестким из всех своих собратьев. Мы варили его до вечера, пробуя ножом, но и в сумерки он был таким же твердым и неподатливым, как в полдень.

Зато бульон получился на славу. Мы пили его по очереди из надтреснутой чашки. У нашего петуха оказалась нежная печень, и я заставил Джою съесть ее еще до того, как сварилось остальное мясо.

Скудный ужин показался нам пиршеством. Ночью, когда холодный дождь хлестал по окнам, мы наслаждались уютом и покоем под крышей, у огня.

Вскоре Джой заснул. Я долго лежал, глядя на дрожащие на потолке тени от огня в плите. Я думал о том, что народ в стране голодает и что я, в сущности, такой же маленький и беспомощный, как Джой. Мы оба можем погибнуть в один миг, как сгинул Хови. Никто об этом не узнает, никто нас не пожалеет. Что ждет нас впереди? Мы потеряли Хови, без него мы как без рук. И все же домой мы не вернемся! Не хочу, чтобы отец снова попрекал меня каждым куском...

Глядя на спящего брата, я поражался, что мог быть раньше холодным и безразличным к нему. В ту ночь я понял, что мальчишка, разметавшийся на подстилке, — моя единственная связь с родом человеческим. Как в последнее утро в родном доме, я нагнулся и поправил одеяло у него на плечах. Он зашевелился во сне, придвинулся поближе, и я наконец заснул.

Утром на завтрак мы разогрели бульон и пили его по очереди из чашки. Тут я заметил во дворе мужчину и женщину. Они шли к крыльцу. Готовясь к худшему, я направился им навстречу. Джой ни на шаг не отставал от меня.

— Вы, я вижу, устроились как дома, — сказал мужчина, поднимаясь на крыльцо. — Сколько вас тут?

— Всего двое. Я Джош Брондовский, а это мой брат. Мы промокли и озябли, вот и переночевали в доме. Мы ничего не трогали.

— Ладно, Бен, — сказала женщина, — не видишь, дети! Оставь их в покое. — Она улыбнулась нам. Я, конечно, не ответил ей тем же, зато Джой расплылся в широченной улыбке и сразу понравился женщине.

Мужчина на первых порах был менее дружелюбен:

— Наверняка от родителей сбежали.

Я пожал плечами.

— Дома нечего есть. Мы пробираемся к деду в штат Монтана. Он позвал нас к себе. Эта ложь про деда вовремя пришла мне

в голову. Кто знает, вдруг мужчина надумает донести в полицию? Впрочем, ему не до нас. Судя по его виду, у него слишком много своих забот, чтобы тратить время на каких-то сорванцов.

— Представляю, как обрадуется ваш дедушка. Два лишних рта в нынешние времена всякого приведут в восторг, — съязвил он. — А чем вы будете питаться в дороге, на что надеетесь?

— Я недурно играю на рояле, может, найду где-нибудь работу. Правда, я хорошо играю, — повторил я, словно убеждая в этом самого себя. Мужчина скорчил гримасу, давая понять, что я несу вздор.

— Ты хочешь зарабатывать игрой на рояле?

— Да, я на это надеялся.

— Вот что я тебе скажу, молодой человек. Скорее в Хейдсе выпадет снег, чем ты найдешь здесь такую работу, да и на любую другую у тебя ровно столько же шансов.

Я не ответил. Значит, мои предчувствия сбываются. Его слова отдавались во мне болью, но я знал, что он говорит правду.

— Откуда вы? — помолчав, спросил он.

— Из Чикаго, — ответил я. — Мы в этих краях всего второй день.

— Вот что, либо торопитесь к деду, либо возвращайтесь в Чикаго. Решайте, куда вам ближе. Здесь у нас дела из рук вон плохи. Хуже не бывает. Этот мой дом, — арендаторы съехали на прошлой неделе, — и вся поганая ферма не стоят и тридцати центов. И ферма, и дом, и плита — все вместе!

— Нам ваш дом показался дворцом, мы отлично здесь переночевали, — сказал я.

— Вы хоть ели что-нибудь? — спросила женщина. Своими добрыми глазами она смотрела на Джоя.

Я знал, что нам может влететь за петуха, но делать было нечего.

— Нам попался цыпленок, мадам, и я его сварил. Надеюсь, он не ваш?

— Нет, не наш, — она покачала головой. — Своих кур мы продали и съели. Сейчас нет смысла их держать, яйца никто не покупает. И в городе на базаре за них ничего не выручишь, лучше не возить — пустой перевод бензина. Нет, это, должно быть, цыпленок Хелмсов. Для цыпленка он, впрочем, староват, не так ли? Давайте, я проверну его через мясорубку, а то не прожевать. И мы вместе сытно пообедаем.

— Джози! — недовольно воскликнул мужчина.

— Ничего, Бен, мы не обеднеем, если разок их покормим. Ты прав, им надо возвращаться к родителям, но разок-то мы их покормим. Придумаю что-нибудь из этого петуха, потом у нас есть печенье и патока. Не разоримся, если поделимся с двумя мальчуганами.

— Может, не стоит, — промямлил я. — Нам с Джоем не хотелось бы вас обедать.

— Ладно уж, — проворчал мужчина, — пойдемте. Пара кружков печенья ничего не

изменит. Дело в том, что Джози готова кормить каждого встречного. Этого позволять нельзя, но тут она права — с двумя мальчуганами мы можем поделиться.

И мы поплелись за ними к их дому, который оказался ничуть не лучше того, где мы ночевали, только в комнатах еще была кое-какая мебель: дряхлый выцветший ковер на полу в гостиной, несколько стульев, колченогий журнальный столик, на нем стопка газет и несколько выцветших фотографий. На стене под стеклом небольшая картонка с цветами, птичками и названием городка в Небраске, выведенного золотыми буквами; рядом, под старинными стенными часами — портрет кандидата в президенты, вырезанный из газеты и пришпиленный булавкой.

Женщина сразу ушла на кухню и занялась готовкой. Мы с Джоем сидели в гостиной и слушали жалобы хозяина на тяжелые времена.

— Вот этот парень, — он показал пальцем на фотографию кандидата в президенты, — Джози верит ему, а я нисколько. Все его новые идеи — это пустая болтовня, сотрясение воздуха. Дело зашло слишком далеко. Ни он, ни кто другой ничего уже не может исправить. Мы разбиты в пух и прах. Нам ничего не остается, как сдаться и...

— Бен, — крикнула женщина из кухни. — Не забывай, они же дети. Найди тему повеселее. От твоих причитаний лучше нам не станет. Но мужчина будто ее не слышал.

— Последнего борова отвез в город, — продолжал он все в том же духе, — двести пятьдесят фунтов веса. Знаете, сколько мне за него дали? Девяносто восемь центов и ни гроша больше. Пришлось отдать, все равно кормить нечем. Лучше уж девяносто восемь центов, чем если он околеет.

Хозяин нервно сжимал в руках сложенную трубочкой газету и, кончив говорить, с отворачиванием швырнул ее на столик.

— Вот в какой стране вы, ребятки, живете. Страна — банкрот, страна — попрошайка. В нашем округе банки уже отняли у владельцев половину всех ферм. Скоро настанет моя очередь — все добро, нажитое потом, пойдет с молотка.

Джой и я молчали. Да и что сказать? Слова этого отчаявшегося, ожесточившегося человека так напоминали разговоры отца, что мне сделалось не по себе. Впрочем, мужчина и не ждал от нас ничего; ему было все равно, слушаем мы его или нет, просто на душе накипело, хотелось выговориться.

Он снова завел ту же пластинку о тяжелых временах, но тут на пороге гостиной появилась хозяйка.

— Помолчи, пожалуйста, Бен, иди-ка мыть руки. Да и вы, мальчишки, можете сполоснуться, греха не будет, а потом прошу к столу.

Обед и правда удался на славу. Мы съели много галет, а женщина все подкладывала.

Когда мы поели, она показала пальцем на лежавшее на наших куртках банджо Хови и

спросила, умею ли я играть. Рано или поздно это должно было произойти. Я со страхом думал о той минуте, когда придется на нем играть. До Хови мне было далеко, но я все-таки знал несколько аккордов и попросил Джоя спеть. Нам обоим было не по себе, зато хозяева получили удовольствие.

Я заметил, что когда Джой запел, лицо мужчины смягчилось и подобрело. Он облокотился на спинку жениного стула, и его ладонь легла на ее плечо. Когда Джой кончил, хозяева поблагодарили нас и на прощание мужчина протянул кулек с шестью большими картофелинами.

— Возьмите на первое время, — сказал он, пожимая нам руки, а хозяйка даже обняла Джоя.

На дороге нам попался веселый и добродушный фермер в грузовике. Он согласился подвезти нас. Значит, не все люди злые, вроде тех, кто с вилами встречал наш поезд!

Мы воспрянули духом — нам стало везти на добряков. Предыдущую ночь мы спали в тепле, нас покормила незнакомая чета, теперь везет этот славный человек с протяжным выговором, да еще божится, что мы обязательно найдем работу в ближайшем городке. Времена тяжелые, — утешает он нас, — но и раньше так бывало, все-таки люди умудрялись выжить. Не помрем и на этот раз. Такие парни, как мы, не пропадут, если тяжелой работы не боятся и согласны на низкую плату.

Хорошо встретить человека, не потерявшего надежды. Я так и сказал ему напоследок. Он довез нас до развилки и показал, куда идти дальше.

Пройдя милю с небольшим, мы решили заночевать в лесу, а в городок войти утром, на свежую голову. Само собой, мы боялись города, несмотря на заверения веселого фермера. При одной мысли о городе я снова видел перед собой свирепую толпу с вилами наперевес, мне чудились ее крики. Дождь прекратился, вечер выдался гораздо теплее предыдущего. В лесу можно неплохо устроиться, а встречу с горожанами отложим до утра.

В тот день мы плотно пообедали, поэтому дареную картошку следовало поберечь. Но голод вечно напоминал о себе, и мы все-таки решили себя побаловать и испечь одну картофелину на двоих.

Я выкопал ямку и развел в ней костер. Мы с Джоем глядели на огонь, на синеватые и розовые угли и тихо разговаривали, ожидая, когда картофелина будет готова. Темнота сгустилась, и наш костер стал похож на островок света в море ночи. Когда Джой подкладывал хворосту или сухих листьев, от костра спирально вился дымок.

В безмолвном лесу мы чувствовали себя в полной безопасности и, услышав чьи-то шаги, не насторожились. Тут на нас напали, но мы скорее этому удивились, чем испугались.

Нас атаковало четверо или пятеро косматых подростков. Они были старше меня и что-то

кричали пронзительными голосами, я не разобрал всего, понял только, что они голодны.

Джой никогда не имел дела с хулиганами. Он совершил ошибку, вцепившись в кулек с картошкой, будто мог справиться с этой оравой почти взрослых юнцов. Один из них сбил его с ног, а когда я бросился на помощь, остальные выместили свою злобу на мне. Их, видно, особенно бесило, что у нас есть хоть какая-то еда, в то время как они голодают.

Через несколько минут они ушли, забрав кулек с картошкой и даже ту картофелину, что мы пекли в золе. Они прихватили также одеяло, запасные куртки, один из них поднял банджо Хови, покрутил его в руках и презрительно швырнул на землю.

Когда они скрылись из виду, мы собрались с силами и побрели к шоссе. Джой был очень напуган, хотя особых увечий не получил. Зато у меня на лбу был глубокий порез, из него текла кровь, глаза опухли от ссадин и синяков. На городской окраине полицейский наорал на меня за то, что я явно с кем-то подрался. Однако он не выгнал нас из города и даже пустил в тюрьму переночевать.

Прошла осень, прошла зима. Были месяцы, когда мы ни о чем, кроме еды, думать не могли. Иногда нам улыбалась удача — снова попадались добрые люди и на день или два мы были сыты. От городка к городку мы пробирались на запад.

А потом нам неожиданно повезло. Мы нашли работу. Меня даже взяли пианистом в ресторан. Мы подкормились и скопили небольшую сумму денег. И нас потянуло домой. Мы многое пережили и передумали за эти месяцы с Джоем. И поняли, что без дома, без нашей мамы, без Китти жить все-таки не можем. И отец наш не такой уж злой человек, а просто отчаявшийся, как многие мужчины в тот год.

Однажды мы решили вернуться домой. И вот мы снова в поезде. Только у нас есть билеты и едем мы в пассажирском вагоне. Мы видели эти места зимой, но теперь не узнавали их. Ни льда, ни снега, ни завывания метели. Только вдруг мы увидели фигурку, устало плетущуюся вдоль полотна: мой ровесник, рассчитывающий на подаяние в ближайшем городке. В другом месте мы заметили группу людей у костра, кто-то замахал кофейником над головой. На станциях были расклеены плакаты: «Так же прав, как Президент». Один плакат был изорван в клочья кем-то из недовольных, зато на другом кто-то надписал: «Да поможет ему господь!»

Иногда мы обгоняли товарные составы. В открытых дверях теплушек стояли люди, другие сидели на крышах, болтая ногами. Среди них могли быть и те, кто ехал вместе с нами на запад в ту ночь, когда мы покинули Чикаго: бродяга, который подсаживал Джоя в вагон, или тот мужчина, что подарил нам банку с бобами.

На одной станции мы увидели на платформе мальчишку в белой куртке. Он нес к поезду бутерброды, молоко и кофе.

— Хочешь есть? — спросил я Джоя.

— Просто умираю от голода, — сказал он и, спохватившись, посмотрел на меня сконфуженно. — Как глупо вышло, — пробормотал он, — такими словами не бросаются.

Действительно, его слова резали слух. Еще недавно, когда он действительно голодал, ничего подобного я от него не слышал.

Мы поели не торопясь, со вкусом. В вагоне было немного пассажиров, мы сняли ботинки и вытянули ноги в одних носках на соседний диван. Джой съехал на самый краешек сиденья, чтобы его ноги оказались вровень с моими.

— Ты подрост, Джой, — сказал я ему, — несмотря на все лишения, ты подрост.

Он довольно улыбнулся: я редко его хвалил. Прошел кондуктор и притворно щелкнул Джоя по носу компостером.

— Ездили на каникулы? — спросил он у нас.

Мы с Джоем переглянулись.

— Да, пожалуй, можно так сказать, — ответил я. Но кондуктор не очень-то нами интересовался, просто спросил из вежливости. Кивнув, он прошел дальше.

Женщина, сидевшая через несколько рядов от нас, остановила его, и мы услышали, как он ответил:

— Будем в Чикаго примерно через два часа.

При этих словах меня точно мороз прошиб.

Родители могли так отвыкнуть от нас, что мы им покажемся чужими. Придется заново узнавать друг друга. Мама, конечно, нам обрадуется, в этом я уверен. С ней можно обо всем поговорить, все рассказать — и о том, как я работал в балаганах, и как играл в ресторане в Омахе. Но вот предстоящая встреча с отцом меня пугала. Что мы скажем друг другу? Вдруг вспомнилось, как давным-давно он укачивал меня на руках, сидя у камина. «Я обязательно расскажу ему об этом, — подумал я. — Пусть отец знает, что в самые тяжелые минуты я всегда вспоминал, как мы были с ним дружны».

Самое же страшное было навестить мать Хови. Как она переживет известие о гибели сына?! От волнения я не мог найти себе места.

— Просто не знаю, Джой, — вздохнул я, — как мы станем здесь жить? Как-никак, но мы с тобой вкусили удачи, а в Чикаго ведь попржему плохие времена.

— После всего, что мы испытали, мы нигде не пропадем, — сказал Джой и откинулся на спинку сиденья.

— Наверное, ты прав, — сказал я, пытаюсь улыбнуться.

Нет, не мог я показать этому цыпленку, что мне страшно!

Вскоре вдоль полотна потянулись унылые, ветхие кварталы, которые даже весеннее солнышко не красило. Дома тесно жались друг

к другу, заводские трубы напоминали узловатые руки рабочих, грозно поднятые к небу; не из всех струился дым, многие выглядели холодными и мертвыми. Поезд замедлил ход, пассажиры засуетились, потянулись за чемоданами.

— До остановки еще полчаса, — объявил кондуктор, но его никто не стал слушать. Все хотели быть наготове, чтобы поскорее выпрыгнуть из вагона, успевшего уже всем надоесть.

Только мы с Джоем сидели тихо. Теперь даже мой самонадеянный братец немного струхнул; я видел, как он внезапно побледнел. Дом Лонни остался далеко позади; там мы чувствовали себя такими счастливыми, в полной безопасности. Нам бы сгорать от нетерпения — ведь едем к себе домой, а мы чего-то боимся.

Наконец медленно и величественно поезд въехал под прокопченную крышу. Так обычно ведут себя поезда, прибывающие на конечную станцию. Солнечный свет пробивался сюда узкими полосками.

— Чикаго! — крикнул кондуктор и напомнил, чтобы пассажиры не забывали своих вещей. Поезд остановился.

— Как ты думаешь, нас встречают? — тихо спросил Джой, робко глядя на меня.

— Наверное, — ответил я, чувствуя, что меня мутит от страха.

Не спеша мы сошли на перрон. Пассажиры, выбираясь из вагонов, волочили багаж к зданию вокзала в конце платформы. У дверей вокзала стояли встречающие, выискивая в толпе прибывших своих родственников и знакомых. Я сразу разглядел маму и рядом с ней — Китти. Еще через секунду я увидел отца — всего в нескольких метрах от нас, он впился взглядом в двери соседнего вагона.

По старой привычке в душе я сразу разозлился на него: «Конечно же, мама и Китти должны ждать в отдалении, а бог и хозяин всегда впереди».

Он все еще не заметил нас, и мы успели разглядеть, как он изменился за эту зиму. Раньше он был такой большой и крепкий, а сейчас стал худым, сутулым, щеки ввалились. Страдания оставили неизгладимый след на его лице. Приглядевшись к нему, я устыдился своих мыслей. Было бы бессердечно с моей стороны злиться на него, когда он стоит и молит взглядом, чтобы наконец мы с Джоем появились в дверях вагона. «Господи, не накидывайся ты на беднягу. Ты и сам не сахар, разве не так?» — сказал я себе.

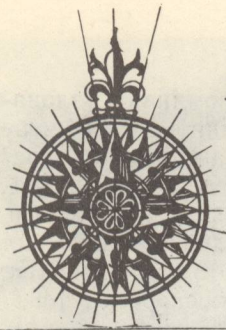
Мы подошли к нему, и я тронул его за рукав. — Здравствуй, отец, рад тебя снова видеть.

Он вздрогнул от неожиданности, потом узнал нас, и его лицо озарилось. Лево́й руко́й он притянул к себе Джоя, а правой крепко пожал мою ладонь.

— Здравствуй, сын, — сказал он, — я тоже рад... так рад...

Он быстро наклонил голову и отвернулся. Потому что есть старое правило — сыновья не должны видеть отцовских слез!

Перевел Виктор РАМЗЕС

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания — 21-й

ОТРЯД УХОДИТ В МОРЕ

Телеграмма

Утром в Выселковскую школу почтальон принес телеграмму:

ПУТИ АТЛАНТИКОЙ К УБЕУ МЕКСИКУ ВЫЗЫВАЕМ СОРЕВНОВАНИЕ
ПИОНЕРСКУЮ ДРУЖИНУ ТЧК ПОБЕДИТЕЛИ БУДУТ РАПОРТОВАТЬ НА
ТЕПЛОХОДЕ ЗИП НЕСТИ МОРСКУЮ ВАХТУ НА СУДНЕ ПРИБЫТИИ
В АРХАНГЕЛЬСК ДОВЕРИМ ЛУЧШИМ ТЧК
ЭКИПАЖ Т/Х "ПОМОРЬЕ" ТЧК

Ребята стали считать: сколько дней идти теплоходу до Острова Свободы? Потом — разгрузка. Потом — столько-то дней до Мексики. Обратный путь — Атлантика, обогнуть Скандинавию... Запутались...

Кто-то сообразил: позвоним в пароходство. Из пароходства ответили: теплоход «Поморье» ожидается в Архангельске в конце июня. Был май.

За успеваемость в школе ребятам краснеть не приходилось. О помощи родному колхозу писали даже в областных газетах. Ребята сажали картофель, растили телят, ремонтировали дороги, чистили парники... Нет, здесь они тоже перед моряками в грязь лицом не ударили бы. Так что самым трудным было отобрать лучших, кто пойдет на теплоходе в рейс. Назвали десять человек.

(Из рассказа старшей пионервожатой
Нины Котловой)

Судовая роль

Судовая роль это список экипажа: кто? откуда? специальность? должность на судне.

Без судовой роли судно не выпустят из порта.

В пароходстве о подшефных знали. И заготовили для ребят вот такой документ:

СЕВЕРНОЕ МОРСКОЕ ПАРОХОДСТВО ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ СУДОВАЯ РОЛЬ

Теплоход «Поморье»
Порт Архангельск, № 227

1. Рудкин Андрей, учащийся Выселковской школы, Приморский район, машина — палуба

2. Хабарова Наталья, уч. Выселк. шк., машина — палуба

3. Бурков Володя, уч. Выселк. шк., машина — палуба

4. Добрынина Вера, уч. Выселк. шк., машина — палуба

5. Куроптев Саша, уч. Выселк. шк., машина — палуба

6. Коробова Марина, уч. Выселк. шк., машина — палуба

7. Мартин Саша, уч. Выселк. шк., машина — палуба

8. Хабаров Петр, уч. Выселк. шк., машина — палуба

9. Котлов Сергей, уч. Выселк. шк., машина — палуба

10. Голубев Сергей, уч. Выселк. шк., машина — палуба

Потом поставили большую круглую печать, на которой

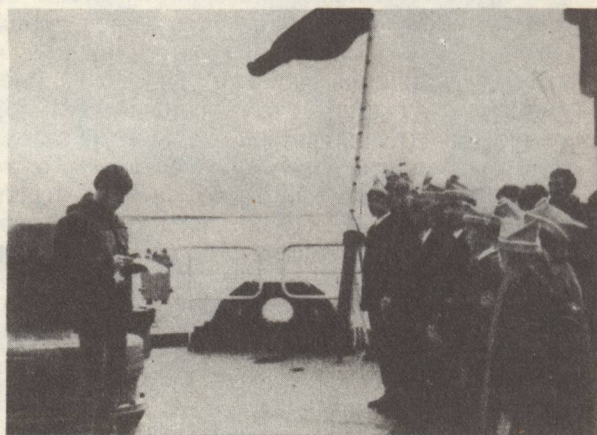
было написано: «Министерство Морского флота. Северное ордена Ленина морское пароходство».

А слова «машина — палуба» значили то, что ребята будут стоять на судне вахты в машинном отделении и на палубе...

До свиданья, Архангельск (из дневников)

25 июня в 15.00 наш отряд прибыл на теплоход «Поморье». Нас — 10 человек. Наши друзья моряки тепло встретили нас. Помполит судна Ракитин М. А. принял рапорт у командира отряда Рудкина А. и поздравил нас с началом похода. Мы идем в Кандалакшу. До свидания, Архангельск!

Вахты

На судне весь экипаж расписан на вахты. На судне бездельников нет, каждый занят своим делом. Штурманы прокладывают курс, механики дежурят у машин.

На вахты расписали и ребят.

*Чтобы
стать моря-
ком, надо хо-
рошо учиться!*

(Из дневни-
ка Андрея
Рудкина)

В 20.00 25 июня заступили на вахту. Я дежурил в машинном отделении, видел, как запускали двигатель. Включили насосы, подающие бензин и масло, и механизмы пришли в движение. Судно двинулось вперед по Северной Двине. Я с механиком ходил по всему машинному отделению и проверял давление воды и масла. Кроме двигателя, здесь есть еще очень много машин. Механик рассказал мне об этих машинах. Он показал, как надо сбавлять давление масла или воды, как включать другие механизмы. Механика звали Сер-

геем, и было видно, что он очень любит свою профессию. Мне она тоже понравилась. Но я понял, что надо хорошо учиться, чтобы стать моряком!

Моя вахта (из дневника Саша Мартина)

Я стоял на вахте с 04 часов 26 июня. Моя вахта началась на мостике, откуда управляют судном. Я стоял у руля и управлял! На мостике много интересных приборов. С их помощью судно идет правильным курсом. Локатор предназначен для того, чтобы видеть суда ночью и в тумане.

В 06 часов моя вахта на мостике окончилась, и я сдал ее Куроптеву Саше. Теперь надо спуститься в машинное отделение и отстоять вахту у машин. В машинном отделении мне особенно понравилось. Мощность машины — 5200 лошадиных сил. Во время моей вахты двигатель совершал 184 оборота в минуту! В машинном отделении есть электростанция. Она распределяет ток ко всем объектам судна. Моя вахта закончилась в 08 часов, и я отправился в свою каюту с самыми хорошими впечатлениями...

Остров Мудьюг

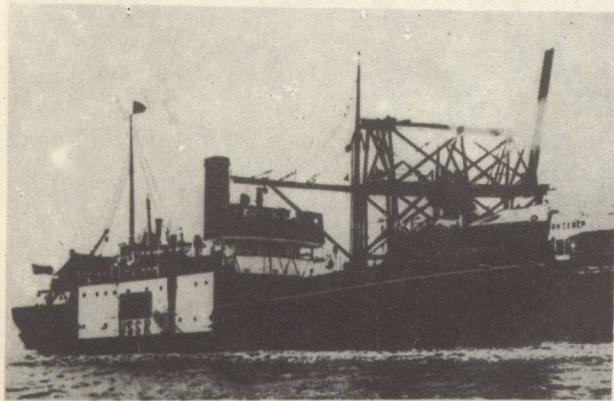
26 июня показался остров Мудьюг. Кто на Севере не слышал об этом острове? В годы гражданской войны белогвардейцы и интервенты устроили на острове лагерь смерти. Здесь лучшие сыновья Севера, боровшиеся за установление Советской власти, отдали свою жизнь... Но ни пытки, ни голод, ни издевательства не могли сломить волю, силу и мужество героев-северян. И в застенках лагеря они продолжали борьбу и верили в победу. Они думали о тех, кто будет жить после них, в светлом будущем... Когда корабли проходят мимо острова Мудьюг, команды минутой молчания чтят память погибших героев...

Наш отряд стоял на палубе «Поморья» вместе с экипажем. Мы смотрели на низкий и темный остров, чье название похоже на долгий прощальный гудок корабля...

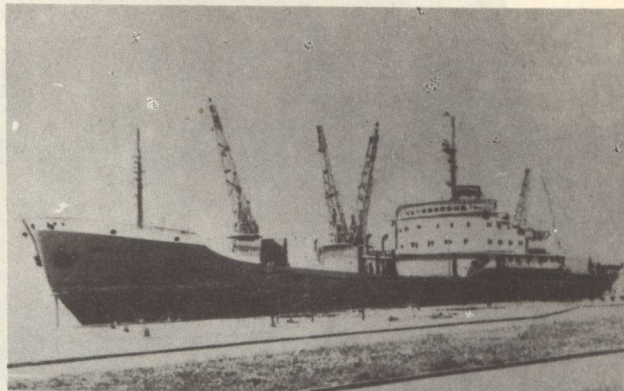
ДВА „ПОМОРЬЯ“

В кают-компании «Поморья» висели две фотографии: Под одной написано: пароход «Поморье». Был построен в Ленинграде в 1930 году. 810 регистровых тонн, 2 машины по 215 лошадиных сил. Пароход погиб, выполняя задание по обеспечению перевозок красноармейцев и грузов в Белом море 28 августа 1941 года. Место гибели ориентировочно у острова Седловатый, в двух милях от берега в Кандалакшском заливе.

Под другой — тоже надпись: теплоход «Поморье». Построен в 1969 году на Выборгском судостроительном заводе. Длина — 121,87 метра, ширина — 16,73 метра,

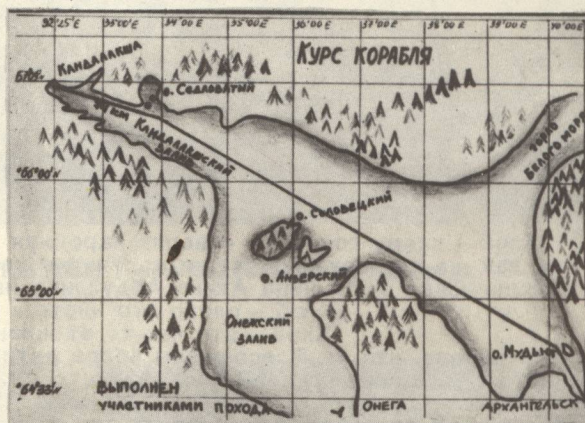

водоизмещение — 9800 тонн. Название теплоходу присвоено в честь погибшего парохода «Поморье». Экипаж теплохода состоит из 37 человек и добивается присвоения звания экипажа коммунистического труда.

Карту составили сами ребята. Она точь-в-точь как настоящая морская карта. И как на настоящей, на ней

Карта

проложен курс теплохода — от Архангельска, мимо острова Мудьюг, минуя Соловецкие острова, в Кандалакшский залив. А в Кандалакше теплоход причалил.

Сча-стли-во-го пла-ва-ни-я!

Из газеты „Северный комсомолец“

И вот торжественно замер на капитанском мостике наш отряд. Ребят не узнать — они в морской форме. Замполит судна М. А. Ракитин читает решение партийной и комсомольской организации судна: «Присвоить пионерскому отряду имя «Поморец». Потом выступил капитан. Он сказал: «Нет, не забыты в наших сердцах и делах великие традиции первых поморов, людей мужественных, немногословных, красивых. Носите с честью это гордое и древнее имя — «Поморец». Закаляйте волю, отлично учитесь! Ждем вас на море как надежную смену!»

Потом был кинофильм и прощальный, особенный, матросский обед...

...Мы спускаемся по морскому трапу и громко скандируем: «Спа-си-бо! До встре-чи! Сча-ст-ли-во-го пла-ва-нья!»

Вера Добрынина,

ученица Выселковской средней школы
Приморского района

ПРОДОЛЖАЕМ ОПЕРАЦИЮ „ЗЕРНЫШКО“

ХЛЕБ—ВСЕМУ ГОЛОВА

„Хлеб — всему голова“ — говорит народная мудрость. И так же думают настоящие маленькие хозяева Советской страны. Московская школьница Алина Абдуллина написала о хлебе стихи:

„Хлеб — слово это чисто и свято,

Хлеб — это что-то от жизни всей взято...“

Вы знаете, что на Всесоюзном сборе активных участников пионерской операции „Зернышко“ принято Обращение ко всем пионерам страны.

„Хотим продолжать операцию „Зернышко“! Будем еще лучше трудиться в ученических производственных бригадах, активнее заниматься в кружках юных механизаторов и животноводов, „Малых Тимирязевках“, „Школах умелых хозяев“. Повсюду создадим пионерские посты по охране урожая. В дружинах и отрядах воспитаем бережное отношение к хлебу!“

Героическая целинная земля — казахстанская, алтайская, сибирская — год от года повышает урожай. И не только на Украине и в Сибири, — в любом уголке нашей страны, где сеют хлеб, рядом со старшими — пионеры, школьники, члены ученических производственных бригад, помощники трактористов и комбайнеров, юные артисты из концертных пионерских агитбригад.

В гостях
у лауреата
Ленинской премии
академика
Александра Ивановича
Бареева
во Всесоюзном
научно-исследовательском
институте
зернового хозяйства

„Будем настойчиво овладевать сельскохозяйственными профессиями, учиться у старших любить сельский труд, умело использовать технику.

Будем постоянно пополнять знания о земле, выполнять задания ученых, опытных станций, колхозов и совхозов, бережно охранять родную природу и приумножать ее богатства“, — и такие слова есть в этом Обращении.

Лето только начинается! Каждый пионерский лагерь — помощник колхоза и совхоза. Держим равнение на славных тружеников в битве за хлеб!

А как вы помогаете растить урожай? Будет ли ваше зернышко во всесоюзном караване?

В. ГУСЕВ

Фото автора

Хлеб-соль знатному целиннику Леониду Михайловичу КАРТАУЗОВУ, Герою Социалистического Труда

Караван из зерна, выращенного ребячьими руками

Летняя встреча

На экране—
герои Гайдара
„ПЕРЕМЕНКА“! „ПЕРЕМЕНКА“!
Играем в телеигру
КИНОВИКТОРИНА

Оформление Г. Никеева

Не скосить нас
Саблей острой,
Зражсьей пулей не убить.
Мы врага встречаем
Просто —
Били, бьем и
Будем бить...

В 1937 году с экранов кино-театров впервые спел эту песню отчаянный отважный мальчишка, и тогдашние юные зрители радостно узнали Ваську Жигана, героя любимой книжки «РВС» Аркадия Гайдара. Только фильм, снятый по этой книжке, назывался иначе — «Дума про казака Голоту». Название другое, но режиссер Игорь Савченко вслед за Аркадием Гайдаром рассказал ребятам о тех же самых событиях, славном боевом времени гражданской войны, о прекрасных мальчишках Димке и Жигане, душой и сердцем преданных своей стране, революции.

Ребятам того поколения досталась трудная судьба.

КАК МЫ СНИМАЛИСЬ НА

НАШ волшебный телевизор сегодня настроился на первую программу. Что сегодня в эфире? Четкая надпись: «Один за всех, все за одного». Да это же такая телеигра! Третий год в нее играют ребята из разных уголков нашей страны.

Ребята пишут в Ленинград письма-донесения о выполнении заданий штаба. Штаб находится в Ленинградском Дворце пионеров. Хорошо выполняет отряд задания телеигры, дружно и весело шагает по дорогам Всесоюзного пионерского марша — вырывается вперед, приглашают его в Ленинград, на встречу-соревнование с другими отрядами.

Как проходит игра — это мы все не раз видели на экране, а вот как к ней готовятся — о том рассказ шестого «б» класса поселка Су-Псех Краснодарского края.

Вы когда-нибудь себя по телевизору видели? А свою соседку по парте — вот так, во весь экран, словно артистку какую?..

...Решил наш отряд участвовать в телеигре «Один за всех, все за одного». Все вместе сфотографировались и отправили нашу фотозаявку по адресу: Ленинград, Дворец пионеров имени А. А. Жданова.

Через неделю получили правила и условия телеигры: исследователь-

ский отряд (так мы теперь стали называться) должен выполнять проектные задания Вычислительного центра телеигры и может стать победителем и даже получить приглашение на сеанс испытаний с видеокомпьютером. А видеокомпьютер — это чудо-машина, прямо-таки из научно-фантастического романа. С ее помощью можно попасть в любую точку земного шара и космиче-

**Здравствуй,
ЖИГАН!**

Летом 1943 года на подступах к Смоленску вела бой за высоту батарея. Молодой капитан внимательно следил за противником в бинокль, отдавал команды. Лихой чуб припорошен пылью, фуражка сдвинута набекрень, круглое лицо серьезно и сосредоточенно. И все же, взглянув на капитана, многие могли бы радостно воскликнуть: «Это ты, Васька Жиган? Здравствуй, друг!»

Да, это был он, а вернее, исполнитель этой роли Леонид Шехтман.

Впервые пятнадцатилетний московский школьник оказался на киностудии в 1937 году, когда режиссер И. Савченко пригласил его сниматься в своей картине. Режиссер много рассказывал ему и Косте Тиртову, исполнителю роли Димки, о гражданской войне, о ее солдатах. «РВС» стала любимой книжкой мальчиков. Снимались они увлеченно.

А когда началась война, Леонид ушел на фронт. «Мы врага встречаем просто — били, бьем и будем бить!» Вернулся он после Победы кавалером шести орденов, подполковником Советской Армии...

...По экранам страны сорок лет шагают веселый отчаянный Васька и его верный и храбрый друг Димка, зажигая отвагой и готовностью к подвигу сердца тысяч и тысяч мальчишек и девчонок. И снова авторы фильма и боевой пионерский комиссар Аркадий Гайдар обращаются к вам, ребята:

— Эй, мальчиши Страны Советов! Как живете вы? Какими растете? Какими станете? Крепко ли любите свою замечательную Родину? Готовы ли, если понадобится, встать на ее защиту? Будьте готовы служить ей всем сердцем. А если трудно вам будет — вот наша рука, наша помощь, наши судьбы. Мы — с вами!

М. ПАВЛОВА

Фото Е. Синявера

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

ского пространства, перенестись в любой год до нашей и нашей эры.

Уж как мы старались, выполняя задания телеигры, а думаете, они легкими были! Приближались весенние каникулы. Мы выполнили уже шесть заданий — оставалось всего два. И вот однажды во время контрольной по алгебре в класс вбежала вожатая.

— Извините, пожалуйста, вашему классу телеграмма из Ленинграда. «Поздравляем победой. Приглашаем Ленинград дни весенних каникул. Подробности письмом».

Что тут началось! Все повскакали с мест, закричали, обнимаются, целуются, а учительница даже контрольную отменила. «Напишите в следующий раз, — говорит, — поездка в Ленинград, город трех революций — это большое счастье». И стала рассказывать нам о Ленинграде, о том, где мы обязательно должны побывать и что посмотреть...

И вот, наконец, наш класс — на Ленинградском телевидении. Привели нас в большой-пребольшой зал и ска-

зали, что это и есть цветная студия. То есть отсюда идут цветные передачи. Было темно и не очень уютно. Удивились мы — на экране все по-другому выглядит.

Сели мы напротив видеокомпьютера, плечи распрямили, руки на колени положили, головы подняли. Справа и слева от нас ребята из других городов и поселков тоже замерли, тишина стоит.

Вдруг вспыхнул яркий свет, многие даже зажмурились. Когда же глаза немножко привыкли — мы студию не узнали. На стенах появились семицветные узоры, видеокомпьютер заискрился, заблестел, а над головой у нас 100 солнц засверкало — зажглись огромные прожектора. Где они только не примостились — на потолке, на балконах, на железных перекладинах, которые то поднимаются, то опускаются. Вышел на площадку человек с бородкой и громко сказал: «Начинаем световую репетицию». А мы-то думали — сразу съемка! Смотрит он на нас и командует: «Двадцать пятый — выше по лучу. Тридцатый — одеть желтый фильтр».

Растерялись мы. У каждого номерок на груди приколот, чтобы ведущему вызывать нас во время передачи. И хоть готовились мы к ней, как ни к одной контрольной, а вот что значит «одеться в желтый фильтр» — никто не знает. А человек с бородкой все на нас поглядывает и еще быстрее выкрикивает номера. Только тут заметили мы, что после каждой его команды один из прожекторов или цвет меняет, или перемещается. А обращался этот человек, телеоператор, к своим помощникам — осветителям и называл он им номера прожекторов.

«Теперь вы у нас все красивыми будете», — сказал телеоператор.

Стали проверять микрофоны. В каждом отряде свой микрофон, в который нужно будет говорить. Но не всем сразу, а по очереди.

Наконец вышел на площадку ведущий передачи, девочки-комментаторы. Поздоровались и говорят: «Ну, что ж, начнем репетицию. Будем сейчас учиться сидеть, вставать, аплодировать, играть и, конечно же, петь». Заиграла музыка, и услышали

мы песню про чудеса, с которой начинается передача телеигры.

Комментаторы вместе с ведущим запели. Голоса у них — чистые, звонкие, а ведущий — прямо как Эдуард Хиль поет. Только вдруг на втором куплете что-то странное случилось — не успели еще комментаторы рты открыть, а мы уже голоса их услышали! Ничего не понятно — как же это так? Музыка оборвалась, раздался голос самого режиссера: «Опять опаздываете! Точнее работайте под фонограмму!»

Режиссера в студии не было. Он сидел в своей аппаратной, наверху, за стеклянной стенкой, но все видел. Перед ним там много-много цветных экранчиков и на каждом то, что снимает телекамера.

Как это поют под фонограмму, мы поняли немного погодя. Что вы думаете, поют-то вовсе не ведущий и комментаторы, а кто-то другой, на пленке, они только рты открывают и изо всех сил стараются, чтобы все поверили, будто и в самом деле они замечательные певцы. Да так петь любой из нас готов хоть два часа подряд!

Но обрадовались мы рано. Началась репетиция нашей песни. Слова мы знали назубок, а вот произнести их одновременно с настоящими певцами, голоса которых записаны на магнитную пленку, никак не удавалось. То раньше рот откроешь, то опоздаешь. Голос сверху несколько раз недовольно повторял: «Еще раз сначала!»

Мы очень старались, и в конце концов ведущий даже похвалил нас.

Потом учились аплодировать так, чтобы не заглушать музыку и слова ведущих. Выбегать на площадку. Говорить в микрофоны. Работать на пульте видеокомпьютера.

Потом режиссер объявил перерыв. Нас попросили выйти, чтобы проветрить студию. И вправду, до чего же, оказывается, жарко стало!

И вот опять вспыхнули прожектора, телеоператоры встали на свои места, и каждому из нас показалось, что именно на него нацелились все пять камер. Распрямили спины, сложили руки на коленях и замерли — опять приготовились к съемке. Но тут прозвучала команда режиссера: «Внимание! Начинаем репетицию с камерами». Мы с облегчением вздохнули — значит, пока еще не съемка. И всем стало просто и весело.

— Молодцы, ребята, хорошо подготовились к передаче, — сказал нам ведущий через час.

— Теперь нас можно снимать, правда?! — обрадовались все.

— А вас уже сняли, изображение записали на видеоманитонную пленку. Так что всем большое спасибо. Съемка окончена.

Неужели и вправду все позади? А мы даже не знали, что нас снимают. Может быть, мы бы больше старались, пели, смеялись, аплодировали лучше? И мы сказали об этом режиссеру. Но в ответ режиссер только хитро улыбнулся нам.

УРОК ОКОНЧЕН

• ПЕРЕМЕНКА •

Какие есть киножурналы для детей?

«Пионерия» есть. «Хочу все знать». «Ералаш». Их вы видели не один раз.

А наш киносборник — совсем новенький. Называется «Переменка». Он — мультимедийный. Для пионеров и октябрят. Идет ровно десять минут, как настоящая школьная перемена. Времени немного, а обсудить можно очень важные вопросы.

Делают «Переменку» на киностудии «Союзмультфильм». А консультанты — помощники кинематографистов — ребята, члены пионерского штаба Фрунзенского района Москвы. Они говорят: «Пусть журнал будет боевым, задорным и очень веселым». И мы тоже этого хотим.

А если вы уже побывали на нашей «Переменке», напишите, понравилась ли вам она и что бы вы в ней хотели увидеть.

Пионерка Зинаида, октябренок Трошкин,
ведущие киножурнала «Переменка»

КИНОВИКТОРИНА

Пройдет месяц. Над нашей столицей взметнутся флаги многих стран. Начнется Десятый московский международный кинофестиваль. О таких фестивалях кино клуб не раз рассказывал своим читателям. Тем ребятам, которые читали наши репортажи с фестивалей, будет проще ответить на вопросы киновикторины.

Итак, внимание!

Вот девизы трех различных кинофестивалей. Который из них — девиз Московского фестиваля?

ФИЛЬМЫ МИРА
В БОРЬБЕ ЗА МИР

ЗА ГУМАНИЗМ
КИНОИСКУССТВА,
ЗА МИР И ДРУЖБУ
МЕЖДУ НАРОДАМИ

ЗА СОЦИАЛЬНЫЙ МИР
И ПРОГРЕСС

В каком году состоялся Первый московский международный кинофестиваль?

Что здесь изображено?

В шестой раз в этом году на фестивале откроется конкурс детских фильмов. На этом конкурсе всегда работает два жюри. Одно — взрослое, в него входят кинематографисты, критики, писатели. А вот каково другое, кто входит в него?

Эта женщина признана самой популярной личностью Девятого московского кинофорума. Она не кинозвезда, не кинорежиссер, не киносценарист. Кто она?

Перед тобой кадры из советских детских фильмов, получавших призы фестиваля в Москве. Как называются эти фильмы? Кто их режиссер? Кто автор сценария?

Ждем ваши ответы до 1 сентября.

КИНОВИКТОРИНА

ЛЕСИК

А. БАТУЕВ

Рисунки Т. Капустиной

В пионерлагере на балкон одного из детских корпусов упало гнездо ласточек. Птенцы погибли, кроме одного. Он был еле жив, этот маленький комочек из сине-черных и белых перышек.

Мы с ребятами быстро наловили мух и, обмакнув их в воду, я стал кормить ласточонка.

Прошел час, другой, и птенчик ожил, открыл глаза, начал чиститься, от обреченности не осталось и следа. Птенец уже почти взрослый, только хвост коротенький и еще без косиц, так украшающих касаток, да рот резко обозначен двумя желтоватыми широкими околочлювными валиками — словно кто-то ему усы пририсовал. А нижней части клюва нет — сломана.

Назвал я малыша Лесиком.

Мой Лесик не боялся протянутой руки. Но все это до тех пор, пока птенец не научится летать — тогда обязательно появится страх, если вы не успеете птенца приручить. И я старался со всем прилежанием.

Когда я возвращался из леса домой после долгого отсутствия, проголодавшийся Лесик начинал громко кричать. Резко приближая руку с мухой, я вызывал у него оборонительный рефлекс — птенец молча с угрозой раскрывал рот. А я ловчился всунуть в клюв смоченную водой муху.

Вначале открытый клюв знаменовал оборону, но со временем Лесик стал разевать рот, попрошайничая — можно было переходить на кормление муравьиными яйцами. Я макал спичку в воду, затем в муравьиные яйца, и Лесик, схватывая кончик спички, заглатывал лакомство. Каждый раз, давая корм, я громко называл его «Лесик! Лесик!», чтобы выработать условный рефлекс — реакцию на кличку.

У меня в комнате вместе с Лесиком жил совершенно ручной мухолов Жора. Может ли маленькая птичка, не больше воробья, ревновать? Но судите

сами. Как только начиналась раздача угощения, Жора с громким «цвирк-цвирк» оказывался тут как тут. Он норовил выхватить из рук именно того слепня, которого я давал Лесику. Казалось бы, ешь слепней из открытой коробки — любого на выбор. Так нет! Он угрожающе шипел на ласточку и даже пытался атаковать, повисая в воздухе над бедным малышом. Он то и дело оказывался у меня на руке, волновался, хорохорился и явно выражал мне свое недовольство.

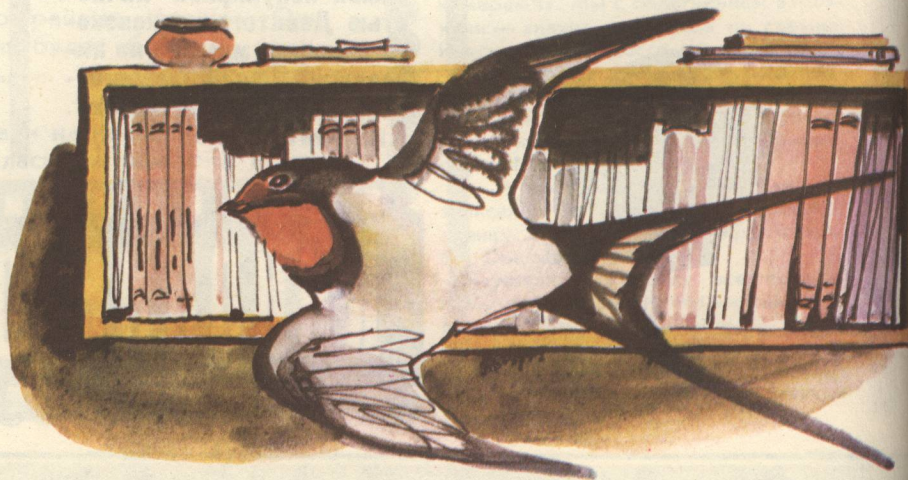
На четвертый день возвращаясь из леса и вижу ласточку, сидящую на Жориной клетке. Пытаюсь угостить ее мухой — она в страхе летит на окно и начинает биться, как бабочка. Итак, состоялось — только научился летать и уже требует соблюдать дистанцию — при приближении человека немедленно улетает. Да, трех дней для настоящего приручения оказалось мало!

Ловлю Лесика. В руке он сразу успокаивается и с жадностью ест. Аппетит у него баснословный! За несколько часов способен съесть около сотни крупных слепней, мух-антраисов, оводов. Сколько его ни корми, но через 15—20 минут он опять с жадностью глотает мучных червей и муравьиные яйца.

Чтобы наладить прежний контакт, я сажаю птенца на его жердочку в коробке. Первый момент он порывается лететь, но прикосновение к знакомой жердочке успокаивает его, и я без помех скармливаю десятка два слепней. Но радоваться рано: стоило ему взлететь с жердочки, и все начиналось сначала: приближалась моя рука — он вспархивал и кружил под потолком.

Прошла неделя, и мне удалось добиться полного доверия ласточки. Весь день Лесик летал свободно по комнате, но излюбленным местом отдыха была клетка Жоры, и мухолов в конце концов смирился с этим бесцеремонным вторжением. Почему-то Лесик не только не боялся Жоры, но в момент угрожающих демонстраций мухолова еще громче обычного начинал просить есть, и Жора, обескураженный такой святой наивностью, оставлял несмышлениша в покое.

Как-то к вечеру Лесик, сидя у меня на пальце, попытался склеивать муравьиные яйца — великолепное намерение, но только он больше

ронял, чем глотал. Посадил его на магическую жердочку. Птенец утратил свою инициативу и, широко разевая клюв и громко вереща, стал просить, чтобы я его покормил. Вот как сильны привычки детства!

Итак, три дня приручения не пропали даром — мне все же удалось навести какой-то мостик если не к сердцу, то к желудку своего воспитанника, а там уж и до дружбы рукой подать. До чего все-таки даже летающий птенец не похож на взрослую ласточку. Та стремительная, левкая, только чиркнет крыльями по воздуху — и исчезла, а мой Лесик увалень. Летает как бабочка. Сидит комочком. Наглотается слепней и спит «без головы» — засунув клюв в плечико. Одно хорошо — в стекло больше не бьется.

Однажды прилег я днем подремать. Только во сне не могу понять, почему это мне все время ветер в лицо дует. Оказывается, моим приятелям надоело, что я сплю, и они давай кружить надо мной. Конечно, заводилой был Жора — он раньше не раз так будил меня. Теперь Лесик даже позволял брать себя в руки перед тем, как я сажал его на ночь в клетку. Он считал ее спальней и, усевшись на жердочку, быстро засыпал. По утрам Лесик больше меня не будил — он спал часов по восемь. Но стоило мне встать, и Лесик просыпался, начинал громко верещать. В ласточке все протестует против ограничения движения. Даже вылет из клетки не такой, как у других птиц. Как правило, птица садится сперва в проем открытой дверки, а Лесик всегда вылетал прямо с жердочки.

С каждым днем он все лучше осваивал летное искусство. Облетал комнату более тридцати раз кряду, и ни одышки, ни усталости. Проголодавшийся ласточонок летел мне в лицо, но на меня не садился. Это означало, что его пора кормить.

Прошло две недели, и вот ласточонок запел — слышать это милое звонкое верещание у себя в комнате очень приятно.

Но с некоторого времени у Лесика появилась неприятная манера проверять, что я ему даю. Раньше он ел все без разбора, а теперь пошли капризы — мясо ему не нравится, белок тоже. Подавай ему желток, мух и мучных червей. В природе о мучных червях касатка и понятия не имеет, а мой выкормыш орет, просит есть, а в последний момент посмотрит, что я ему собираюсь сунуть в рот и, если не вкусное, демонстративно улетает. Кстати, его летные возможности все возрастают. Вначале, когда он облетал по тридцать раз комнату, я за него не боялся. А теперь он иногда с такой силой и быстротой начинал петлять, то взмывая к потолку, то стремительно ныряя к самому полу, что делалось страшно, как бы он не убится.

Приближался день моего отъезда в Ленинград. Везти ласточонка в клетке невозможно, он будет обязательно биться и искалечится. Я стал заранее приучать Лесика спать в короб-

ке с четырьмя отверстиями для вентиляции и с магической жердочкой для сна. Лесик без возражений принял новую спальню.

И вдруг машина приходит за мной на день раньше назначенного срока, а Лесик уже выпущен из коробки и поймать его совсем не просто, так как в руки днем он не дается, как почти любая, даже самая ручная, певчая птичка. Пришлось пойти на обман — я сделал вид, что даю мучного червяка, а когда Лесик потянулся за ним, очень быстро схватил птенца. Испуганный Лесик истошно заорал, но в коробке сразу затих и так безмолвно и ехал до моей ленинградской квартиры.

В большой комнате он носился с видимым удовольствием и сделал с полсотни кругов.

И вдруг выяснилось, что наши отношения с ним испортились. До самой ночи Лесик не попросил ни разу у меня есть, а при моем приближении обращался в бегство. Возможно, я его сильно испугал, схватив перед отъездом? Вечером, когда стемнело, я погасил свет, поймал его, но он истошно заорал, стал вырываться, и мне удалось с большим трудом заставить его проглотить мучного червя.

Назавтра он объявил голодовку, перестал реагировать на кличку и не просил у меня есть. Что делать? Его ждет гибель от голода.

На всякий случай я поставил кормушку и вдруг обнаружил, что он с трудом, но ловчится поддеть кусочки рубленого вареного яйца и тертой моркови своим искалеченным клювом. Так Лесик преодолел самый главный жизненный барьер и стал самостоятельным.

В середине декабря я заметил, что он стал летать с шумом и без былой легкости. Причина — отсутствие нижней части клюва. Птица постоянно перебирает перья, пропуская их между створками клюва. И это не кокетство модницы, а разумная забота об оперении, которое сохраняет тепло и обеспечивает полет. И чем лучше оперение, тем легче летать. Лесик не мог как надо чистить свои перышки, и я аккуратно помыл ему теплой водой крылья и хвост, но когда птенец обсох, выяснилось, что он не может летать, сцепление боронок перьев исчезло, и крылья потеряли способность опираться на воздух.

Нелетающая ласточка долго жить не может. Как вернуть Лесику полет? Я очень осторожно щеточкой причесал ему крылья и хвост, и сцепление боронок перьев восстановилось. У меня прибавилась новая специальность — я сделался парикмахером Лесика.

Каждый вечер я гашу свет, аккуратно беру Лесика и перед тем, как посадить в спальную коробку, причесываю его, а затем сую ему в рот штук десять мучных червей, которых он охотно глотает, сидя у меня в руке. Назавтра он опять улетит, если я слишком близко к нему подойду. Но странное дело, во время утренней зарядки, пробегая мимо него сотни раз, я могу его даже тронуть рукой!

Вот и пойми после этого тобою же воспитанную ласточку!

Сегодня библиотека открыта для тех, кто готовится к международному детскому фестивалю «Пусть всегда будет солнце!».

Если вы решили подготовить концерт в честь открытия фестиваля, то, конечно, без помощи книги вам не обойтись.

Сборники «Хоровод друзей» и «Танцы народов СССР» (издательство «Молодая гвардия») помогут вам подготовиться к фестивалю танец, разучить понравившуюся песню. А в альманахе «Затейник» № 18 (Издательство «Молодая гвардия», 1976 год) каждый может найти стихи в переводе с чешского, монгольского, венгерского, итальянского, болгарскую и румынскую песню, песни советских пионеров.

Если в один сборник поместить описание игр детей разных стран мира, то получится очень солидная книга. О некоторых играх рассказано в том же выпуске «Затейника».

ИГРА ДЕТЕЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ АНГОЛА «Лучники и бегуны».

...Две команды, равные по количеству участников, делятся на лучников и бегунов. (Когда-то это было состязанием охотников). И лучники, и бегуны должны иметь свой лук и

стрелы, так как по ходу игры они меняются ролями.

Все участники игры выстраиваются на одной линии. В каждой группе рядом с лучником стоит бегун. По указанию судьи барабанщик одним резким ударом подает первый сигнал — изготoвиться! Второй сигнал — выстрел!

Лучник пускает стрелу, бегун мчится следом за стрелой. Его задача — проворно найти стрелу, прибежать с ней к судейской площадке и воткнуть в землю перед судьей. Команда, стрелы которой будут разысканы и принесены первыми, проигрывает.

ИГРА ДЕТЕЙ ГАНЫ

«Калабаш» — сосуд из высушенной тыквы. Так же называется игра, смешная гонка пар. Играют командами. В них — четное число участников.

На линии старта выстраиваются команды примерно по десять человек, значит, пять пар в каждой. Командам вручается калабаш (или то, что в наших условиях может заменить его. Например, мяч). Игроки той пары, которая побежит первой, становятся лицом друг к другу и прижимают калабаш лбами. По сигналу начинается бег. Игроки в паре могут бежать, как хотят: один впереди другого, рядом, боком. Главное — лбами удерживать калабаш. Руками придерживать его нельзя. Если же калабаш упадет, можно очень быстро поднять его и, водворив на место, продолжать бег. Задача бегущей пары — пробежать установленную дистанцию, вернуться на линию старта и передать калабаш очередной паре игроков своей команды, которая будет продолжать состязание.

ИГРА РЕБЯТ КЕНИИ

В Кении много деревьев, из которых легко можно согнуть ровный обруч — кольцо. (Диаметр кольца — 70—80 сантиметров. Можно использовать для игры гимнастические пластмассовые обручи).

Все играющие стартуют одновременно. Дальше все зависит от умения и фантазии каждого. Гонят обруч то по прямой, то по извилистой линии. В Кении ребята гоняют обруч не только впереди себя, но и повернувшись к нему спиной. Бегут быстро, чтобы не отстать от обруча, дать ему нужное направление.

Успех победителей зависит не только от ловкости и сноровки гонщика, но и от того, насколько искусно изготовлены обручи. Каждый должен знать свой обруч, его «норов», чтобы определить силу удара палочкой, заставить обруч выделять задуманные фигуры.

ИГРА РЕБЯТ СЕНЕГАЛА

Состязания в перетягивании в Сенегале проводятся не в одиночку, а парами. Составляются две пары игроков, примерно равные по возрасту. Ведь победить младшего и более слабого, чем сам, неинтересно!

Соперники садятся на землю пара против пара. Те, что сидят впереди, крепко берутся за руки. Их напарники садятся позади и обхватывают передних партнеров руками за плечи. По сигналу судьи каждая пара стремится, быстро откинувшись назад, оторвать от земли своих соперников. Такая попытка повторяется трижды. Пара, сумевшая дважды поднять с земли своих соперников, считается победительницей.

Рисунки А. Ивашенцевой

ПО РЕКЕ МАРКА ТВЕНА

«...Это не обыкновенная река, а река, замечательная во всех отношениях. Считая вместе с Миссури, ее главным притоком, это самая длинная река в мире — четыре тысячи триста миль... Она несет в три раза больше воды, чем река Святого Лаврентия, в двадцать пять раз больше, чем Рейн, и в триста тридцать восемь раз больше, чем Темза... Площадь ее бассейна равняется территориям Англии, Уэльса, Шотландии, Ирландии, Франции, Испании, Португалии, Германии, Австрии, Италии и Турции, вместе взятым...»

Так писал о великой американской реке Марк Твен в книге «Жизнь на Миссисипи». Мис-

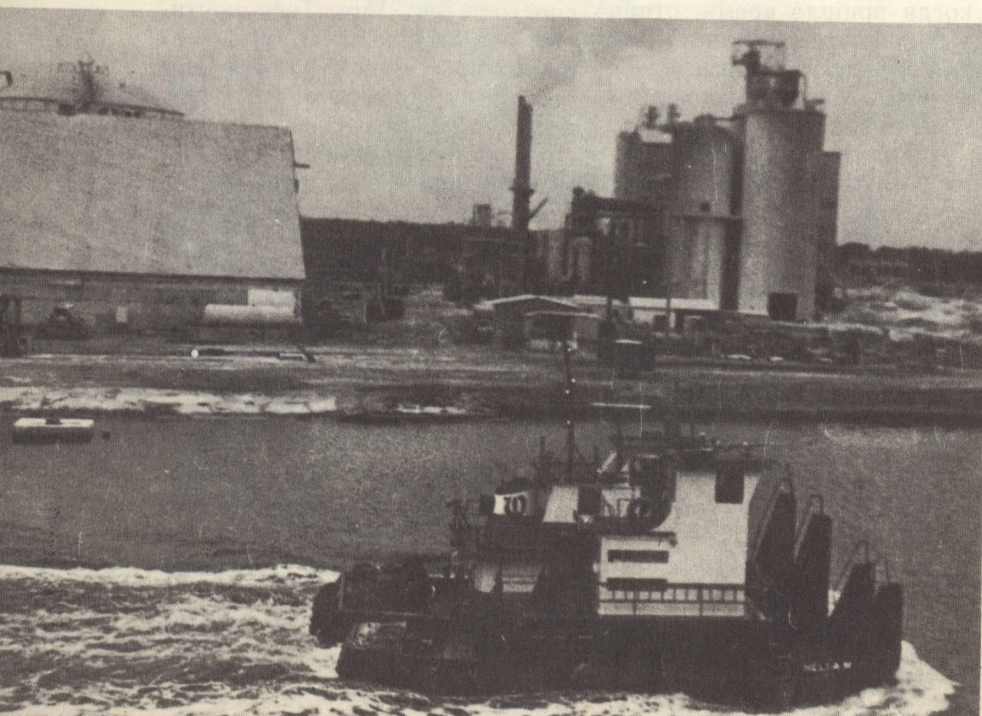
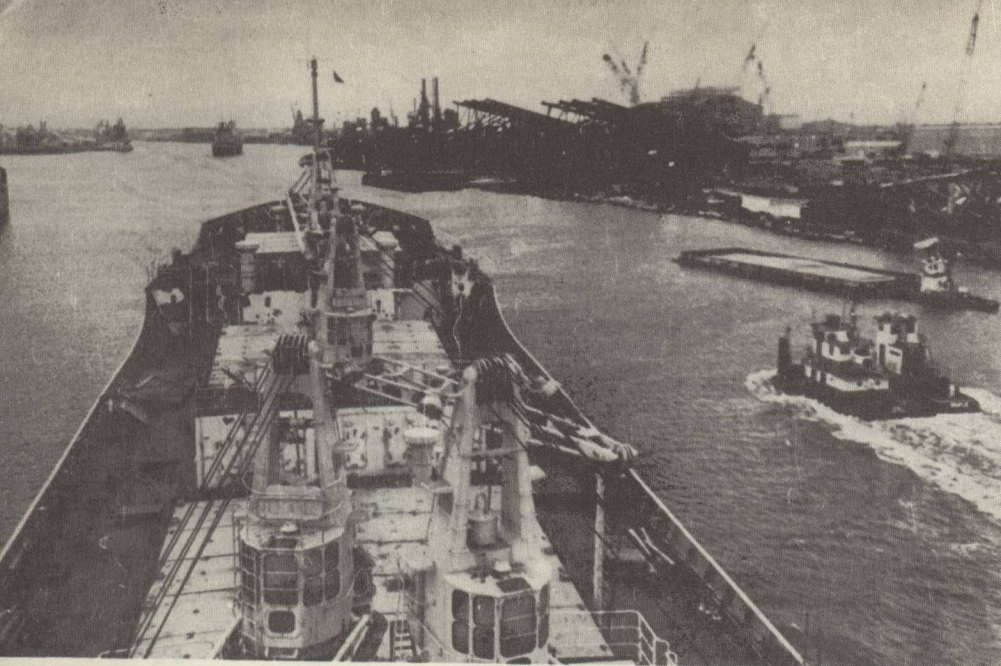
сисипи Твен очень любил. Он вырос и работал на этой реке. А когда пришло время, отправил по ней путешествовать Гека Финна с негром Джимом...

Я читал Марка Твена в детстве. И снова перечитал недавно, узнав, что наше судно идет в Америку и побывает в портах Миссисипи.

Взяв книгу в рейс, я закончил ее, когда мы подходили к Мексиканскому заливу. Вы спросите, наверное, почему я так долго читал? Потому, что я плыл не пассажиром, а работал на судне электриком и стоял вахты наравне с другими моряками.

В устье Миссисипи мы вошли рано утром.

Конечно, я не думал, что увижу Миссисипи такой, как описывал ее Марк Твен почти сто лет назад. В те времена пассажиры могли, ступив на берег, заплутаться в девственных лесах. Окрестные холмы покрывала сплошная зелень. Ивы свешивали над водой свои ветки. На тихих берегах дремали белые городки. В те годы еще можно было услышать истории о воинственных индейцах! А какие пароходики плавали тогда по Миссисипи! С двумя длинными, как макароны, трубами, с вычурной золоченой эмблемой между ними, похожие на тот, что снимали в кинокартине «Волга-Волга»... Рейсы этих пароходи-

1. В устье Миссисипи мы вошли рано утром

2. Небоскреб величиной с ракету

1

ков в верховья и обратно тянулись целых два месяца. И самым уважаемым на реке человеком был всезнающий миссисипский лоцман...

И вот наш теплоход идет по Миссисипи. Мы идем уже несколько дней, а вокруг — только заводы, трубы, склады, мачты электропередач, подъемные краны, заборы, свалки, и снова — трубы, склады и заводы... Никаких зеленых, а тем более изумрудных лесов и лужаек нет и в помине... В наши дни Миссисипи — одна из самых мощных промышленных артерий Америки, по которой корабли везут хлопок и автомобили, нефть и сахар, цемент и кукурузу. Берега реки вздрагивают от ударов механических молотов, извергают клубы черного дыма, сочатся мазутом... Буксиры толкают прямоугольные, похожие на большие коробки, баржи. Океанские суда с шумом проходят вниз и вверх. А прозрачная вода Миссисипи, где Гек Финн ловил рыбу, покрыта пленкой нефти...

А вот индейцев я видел. На огромной высоте они красили мост близ Нового Орлеана, и краска капала на проходившие внизу корабли. Говорят, кроме индейцев, никто не берет за эту опасную работу — красить высоченные мосты над Миссисипи, только бесстрашные потомки краснокожих...

Когда я уже совсем потерял надежду увидеть хоть что-нибудь по-настоящему из времен Марка Твена, неожиданно нам навстречу выплыл старинный пароходик! Тот самый, с большими колесами, с тремя палубами и двумя трубами... Я глазам своим не поверил, но пароходик прошлепал мимо, и люди на нем махали платками и шляпами. Оказалось, что это — специально для туристов — пароход времен Марка Твена со всей старинной

3. По-нашему — улица, по-американски — авеню

4. Никаких зеленых лужаек на берегах нет и в помине

мишурой и даже с паровым органом... Правда, четыре доллара — цена немалая, и не каждый может прокатиться...

Но пароходик мелькнул, как видение, и снова пошла современная Миссисипи.

В Новом Орлеане видел я те же, что и в Нью-Йорке, небоскребы, только чуть пониже, а в городе Хьюстоне — ракеты величиной с небоскреб. Хьюстон — американский научно-исследовательский космический центр, с большим музеем, где все эти ракеты выставлены и нацелены в небо. Посетители могут посмотреть и потрогать и космический скафандр, и электрическую тележку, на которой американские астронавты ездили по Луне...

Рейс подходил к концу, когда меня позвали в ходовую рубку проверить освещение. Открываю дверь и вижу незнакомого человека. Он сидел на высоком стульчике, как когда-то сидели лоцманы на старинных пароходах. Конечно, он не говорил что-нибудь вроде того, что: «Эй, обойди корягу у Сливового мыса справа...» или «Держи корму на старый тополь...» Нет. В руках у этого лоцмана был «спикер» — маленькая рация, и он изредка говорил с берегом, спрашивал, как обстановка у причалов, какая высота воды или что-нибудь еще... Нашему рулевому он изредка отдавал по-английски короткие команды, и рулевой поворачивал штурвал...

Оказалось, что Миссисипи, как и во времена Марка Твена — так же своенравна, быстра, с меняющимися глубинами и мелями, и поэтому по-прежнему на ней один из самых нужных и уважаемых людей — все тот же знаменитый всезнающий миссисипский лоцман... Лоцман, которого обессмертил когда-то Марк Твен...

Б. ГЕССЕЛЬ
Фото автора

8. Приятно видеть лошадь в стране автомобилей!

9. Так когда-то сидели лоцманы на старинных пароходах

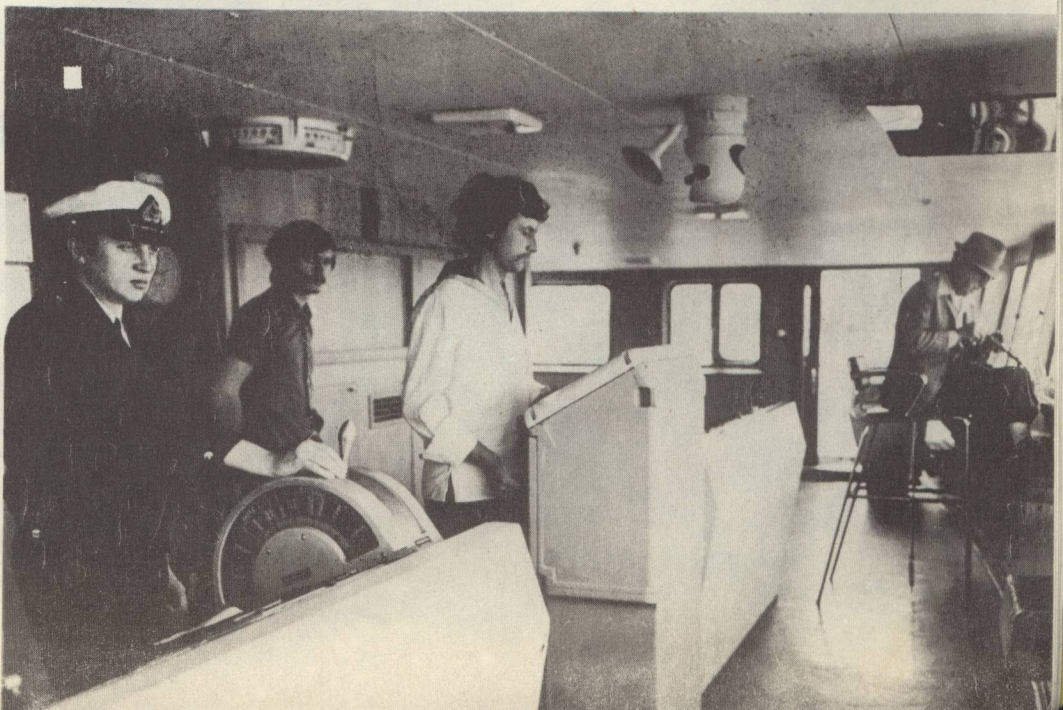
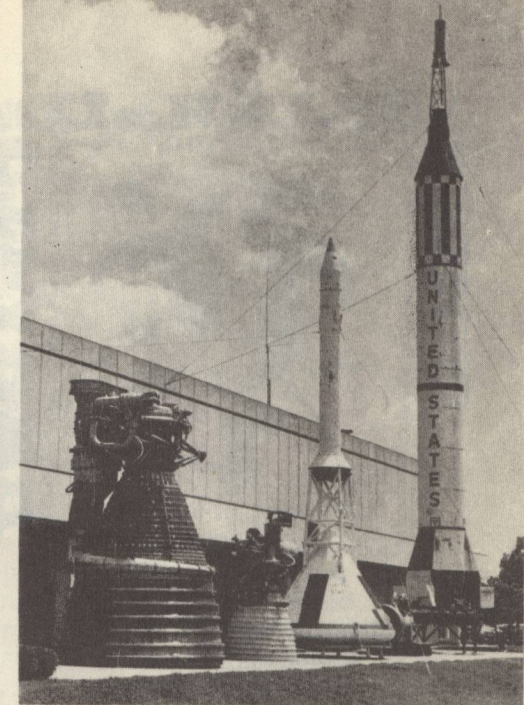
5. Реклама, реклама, реклама...

8

6. Ракета величиной с небоскреб

7. Вся семья на прогулке

7

ПОИСК*ЗЕЛЁНЫХ*СТРАНИЦ

Оформление
О. Филипенко

КОРОТКИЕ СООБЩЕНИЯ

За деревней Тросна, у каменной сторожки, растет лиственничная роща. Она занимает площадь около полутора гектаров.

Ира Зуйкова,
поселок Шлиппово Калужской области

Есть у нас огромный кедр. Диаметр его ствола около полутора метров, а высота — 35—40 метров. Кедр-великан стоит на берегу Иртыша.

Толя Зольников,
Горно-Правдинск Тюменской области

ДАВАЙТЕ УТОЧНИМ!

Дорогая Ира! Ученые Ботанического сада просят сообщить, кем и когда была посажена лиственничная роща (или хотя бы приблизительный возраст деревьев). Хорошо ли растут, плодоносят ли лиственницы, ухаживает ли кто-нибудь за рощей.

Дорогой Анатолий!

Просим прислать фотографии или рисунок кедра-гиганта, приложив к ним результаты обмера (о том, как измерить дерево, написано в «Зеленых страницах» журнала № 3).

ЕЩЕ ОДНО КОРОТКОЕ СООБЩЕНИЕ

Мы участвуем во Всесоюзной экспедиции «Малым рекам полноводность и чистоту». Ско-

ро отправляемся в экспедицию на станцию Лужайка Выборгского района Ленинградской области. Одна группа наших ребят будет изучать реки Бусловку и Селезневку, а другая займется изучением растительности в долинах этих рек. Сейчас у нас идут последние приготовления к выезду в экспедицию.

Члены клуба любителей природы
им. В. Бианки Ленинградского
Дворца пионеров им. А. А. Жданова

Ира Люблинская, 7-й класс,
Саша Меньшиков, 8-й класс

ВНИМАНИЕ, ПОИСКИ!

Кто не любит ароматную, сладкую ягоду малину! Дикорастущая малина встречается по всей Европейской части нашей страны от Мурманской области до Украины, а также на Кавказе, на Урале, в Западной Сибири и на Алтае. Однако границы ареала дикорастущей малины требуют уточнения. На карте вы видите подтвержденные границы ареала, показанные сплошной линией. Но есть предположение, что дикорастущая малина распространена гораздо шире. Предполагаемые границы показаны пунктирной линией. Эти границы и требуют подтверждения. Именно здесь нужна ваша помощь. Штриховкой показаны на карте районы, в которых надо особенно внимательно поискать малину.

Итак, ждем сообщений о находке дикорастущей малины от ребят, живущих в следующих районах (см. карту):

1. В Западной Сибири, севернее 60° с. ш.
2. На юге европейской части СССР.
3. На севере Казахской ССР.

В сообщениях необходимо указать:

1. Место нахождения дикорастущей малины (точный адрес с указанием ближайшего крупного населенного пункта, который можно найти на карте).

2. Место произрастания, то есть где растет: в лесу, на

опушке леса, на лесной поляне, на берегу реки и т. д.

Обращаем ваше внимание на то, что нас интересует только дикорастущая малина, а не та, которая растет в садах и палисадниках.

ПАМЯТКА

для отрядов,
которые
отправляются в поход

Знаете ли вы, как и для чего надо собирать гербарий?

Гербарий — это коллекция засушенных растений. Ученые собирают гербарий во время полевых исследований, в местах, где растительность мало изучена. Но школьники часто собирают гербарии, которые никому не нужны: там, где растительность изучена хорошо и в школе уже есть не один десяток таких гербариев. Некоторые группы растений очень сильно страдают от такого массового и бесцельного сбора.

Однако ученые Ботанического сада уже обращались к вам с просьбой некоторые ваши сообщения сопровождать гербариями. Ведь иногда без этого не обойтись! Тогда, например, когда вы сообщаете о необычной для растения форме или окраске листьев, о необычном цветке. Возможно, вам понадобится прислать гербарий, чтобы определить неизвестное вам растение.

Помните, что травянистые растения берутся в гербарий полностью, с корешками.

Помните, что дерево или кустарник должны быть представлены в гербарии веточкой, на которой видно расположение листьев и цветков, а сами листья и цветки должны быть расправлены, чтобы видна была их форма.

Помните, что растения закладывают между листами бумаги и сушат в затемненном, но доступном ветру месте.

РЕБЯТА!
СОБИРАЙТЕ ГЕРБАРИИ
ТОЛЬКО
КОГДА ЭТО НЕОБХОДИМО
НЕ УНИЧОЖАЙТЕ
РАСТЕНИЯ ПОНАПРАСНУ!

Дышит свежей прохладой
Речка, поле и луг.
Солнце вышло не даром,
Все проснулось вокруг.

Где-то в небе укрылась,
Угасает луна.
Словно в прятки играет,
Не найдешь, где она.

Прямоком через поле
Я иду по тропе.
Голос радостный, вольный
Раздается во мне.

Ожидают комбайна,
Колосятся хлеба.
Утро! Утро настало!
На работу пора!

*Саша Пястов,
5-й класс,
Челябинск*

Рисунок В. Цикоты

Рисунок П. Швеца

Лежали на песке два брата-великана и хвастались.

— Я, — сказал великан Карамбек, что был постарше, — сегодня встал рано утром, пошел, как обычно, к берегу моря умыться. Море было тихим и спокойным. Зачерпнул я рукой — поднялись волны высотой с двухэтажный дом, второй раз зачерпнул — шторм разыгрался, море пошло ходуном. Пока умывался, поднялся ураган — потопил в море корабли.

— Это что, — сказал великан, который был ростом пониже и возрастом помоложе, его звали Шалгамбек. — Вот я с ветром поспорил: кто из нас сильнее. Помчались мы к саду, а в нем плодов видимо-невидимо. Ветер дунул — ветки качнулись, листва лишь прошелестела. Дунул я — с ветвей полетели в небо спелые плоды. Через неделю на другом конце земли, над городом Трумбаденом, выпал град со спелыми грушами, сливами и виноградом.

— А я, — сказал старший брат-великан Карамбек, — собрался на днях в путешествие, да не смог найти себе достойного коня. Все какие-то хилые, тощие. Оседлал я тогда вершину Куриного хребта и так хлестнул ее плетью, что гора сдвинулась с места, заржала и поскакала резвей любой скаковой лошади.

— А я, — сказал Шалгамбек, — прошлой ночью вдруг проголодался, пошарил вокруг — не нашел ни крошки. Смотрю, в небе аппетитная лепешка — луна. Откусил аккуратненько по краям, всю луну не съел, тоненький ломтик тебе оставил.

— А со мною еще не то было...

Долго бы хвастались великаны, но тут мимо них проезжал крестьянин. Услышал хвастунов. Рассмеялся. Очень его развеселили рассказы великанов.

— Хватит вам хвалиться, братья-великаны. Такие большие, а занимаетесь ерундой, лучше бы помогли мне поле вспахать.

— Не смей прерывать наш разговор! Мы одним щелчком — раз! — и нет тебя!

— Не грозитесь, верзилы. Мешок видите? В этом мешке зерно. Зернышко мало, а любого великана одолеет.

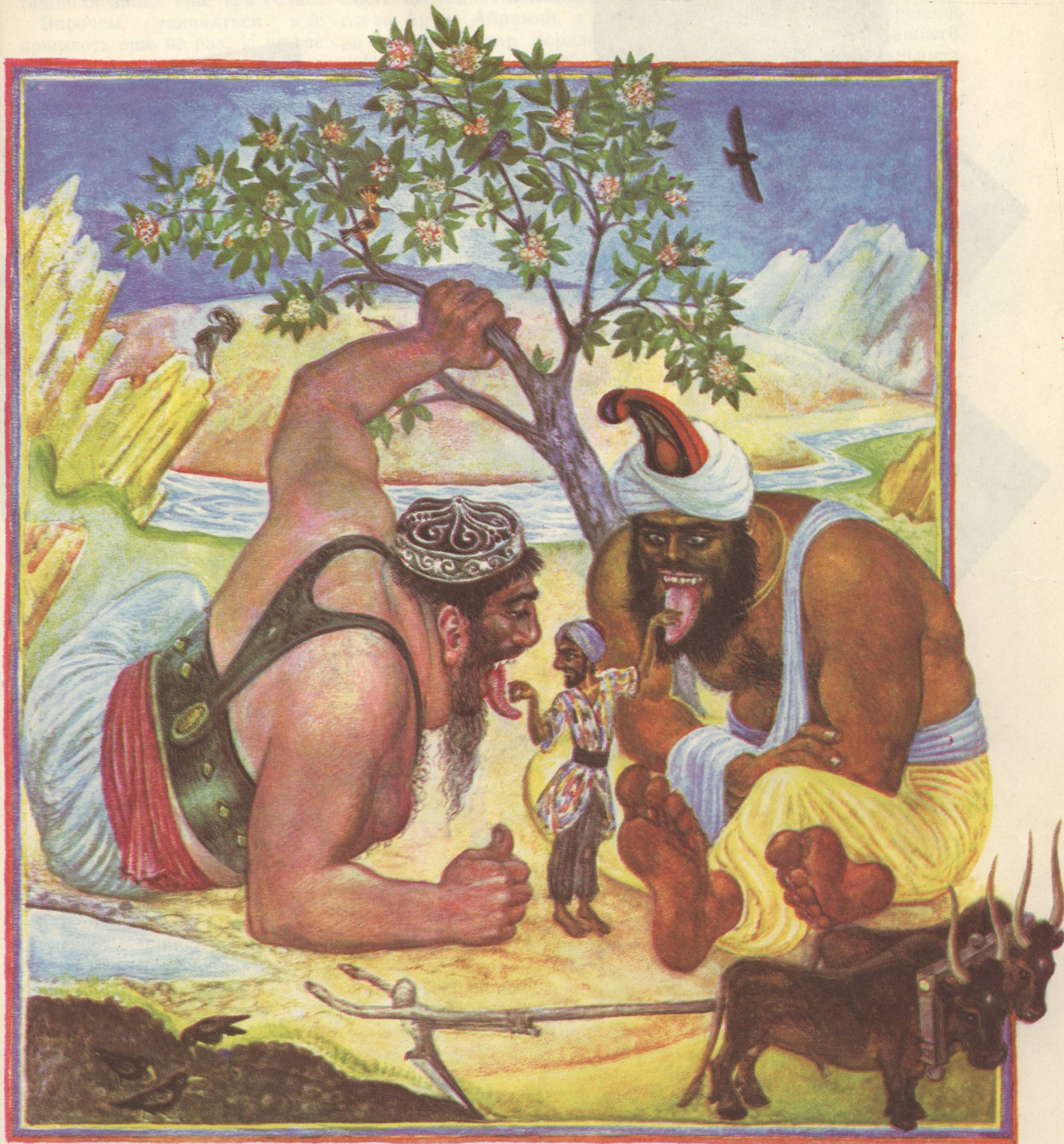
— Ха! Ха! — засмеялись великаны так, что речка заволновалась и горы вздрогнули. — Где зернышки? Давай. Не разглядишь их. Ты сам положи нам по зернышку на язык.

Великаны высунули языки. Крестьянин положил им по зернышку. Великаны выпили речку. Проглотили по быку. Старший еще и плуг проглотил.

Пшеничные зернышки, попав к великанам в брюхо, быстро набухли, каждое из них стало расти.

— Какой у тебя смешной огромный живот! — захохотал старший брат Карамбек, взглянув на младшего.

ХВАСТЛИВЫХ ВЕЛИКАНА

— Да ты лучше на себя посмотри, — откликнулся младший.

Хотели было раздувшиеся, как воздушные шары, братья проглотить крестьянина, да не успели — лопнули.

И снова пошли по земле быки, потащили плуг за собой, за ними следом крестьянин

с мешком пшеницы на плече шел, песню пел, а зернышки покатались в борозды, пустили крепкие корни, и в поле зазеленели ростки пшеницы.

Так наказал крестьянин великанов за лень и хвастовство.

Пересказал Раим ФАРХАДИ

ГЛАВНЫЙ БОМБАРДИР „ИВЕРИИ“

Нет, совсем не по причине дождливой погоды этот день оказался не самым удачным временем для свидания с Гелой Кеташвили и его друзьями из футбольной команды 4-й жилконторы города Тбилиси. Просто накануне нашей встречи команда мастеров тбилисского «Динамо» совершенно неожиданно не только для своих многочисленных поклонников, но и всех футбольных авторитетов потерпела поражение от гостей из Будапешта в матче розыгрыша европейского кубка УЕФА!

Лица мальчишек выражали неподдельную печаль. И даже

начальник ЖЭКа Мурад Васильевич Чолокава тоже не сразу перестроился с печального минора на радостный мажорный тон. А по правде говоря, лишь чуть-чуть «перестроился», то и дело возвращаясь к тяжелым воспоминаниям «черного вечера».

— А как смазал в самом начале Дараселия!

И все мальчишки согласно качали головами — каждый из них досконально помнил, как с нескольких метров бил Дараселия по пустым воротам и не попал.

Памятуя о главной цели

нашего свидания, я достал из кармана сложенную вчетверо страницу из «Советского спорта» за 23 августа 1976 года. Там, на видном месте, был напечатан репортаж из Днепропетровска о финальном турнире на приз клуба «Кожаный мяч». «Десять мячей Гелы Кеташвили».

Увидев знакомую газету, ребята заметно оживились: «Мы эту газету тоже храним. Только мячей было не десять, а тринадцать!»

Как — тринадцать? Неужели опечатка? Удивляюсь замечанию ребят. Но все оказалось

правильно, как раз 23 августа одиннадцатилетний Гела Кешавили забил еще три гола...

Впрочем, удивляться мне пришлось еще не раз. И цифре «36» — столько мячей забил центр-форвард «Иверии» на всех этапах турнира «Кожаный мяч». И тому, что техническим арсеналом Гелы (именно этот термин употребил тренер Жан Шалвович Лежава, в недавнем прошлом — инженер, ныне — пенсионер) восхищаются маститые специалисты.

Но, конечно же, больше всего мне хотелось, что называется, потолковать по душам с самим Гелой. Но как же трудно было «вытянуть» из него что-либо о самом себе. О друзьях из «Иверии» — пожалуйте! Вы разве можете представить, какие они все замечательные ребята? Ни за что на свете! Для этого нужно побыть вместе с ними хотя бы два года. Как

Гела. И он, конечно же, знает, что лучше всего играть на месте центра нападения, когда слева Артур Абрамян, а справа рядом Нугзар Бордзигули.

Не только на футбольном поле, но и вечерами во дворе или на пляже Тбилисского моря с ними тоже надежно и весело. Правда, времени для других игр, кроме футбола, почти не остается. Потому что Жан Шалвович каждый день повторяет: «Любите побеждать — любите заниматься до седьмого пота...».

...Солнечных дней в Грузии несравненно больше, нежели дождливых. И не удивительно, что буквально через несколько часов мое журналистское свидание с «Иверией» происходило в совершенно иной обстановке.

Над небольшим, но очень уютным стадионом «Синатле» ярко светило солнце. Ребята с Зарзмской улицы, облачив-

шись в футбольные доспехи, под руководством тренера работали на зеленом поле. Здесь Гела был совершенно непохож на того, вчерашнего, почти застенчивого мальчика. Он так ловко переводил мяч с ноги на ногу, на грудь, на голову, в буквальном смысле — жонглировал, что вы тут же забывали о его неполных одиннадцати годах. Удары же по воротам поражали меткостью и силой.

Когда кто-либо из ребят делал что-нибудь не так, тренер тут же подзывал его к себе и показывал, как надо.

А в сторонке стоял веселый и на редкость симпатичный Мурад Васильевич Чолокава. Любому ясно: у начальника ЖЭКа очень много важных и неотложных дел. Но Мурад Васильевич всегда находит минуту-другую, чтобы еще раз посмотреть на своих любимцев.

М. ЭСТЕРЛИС

Фото О. Гелашвили

ОНИ ПИШУТ ДЛЯ ВАС

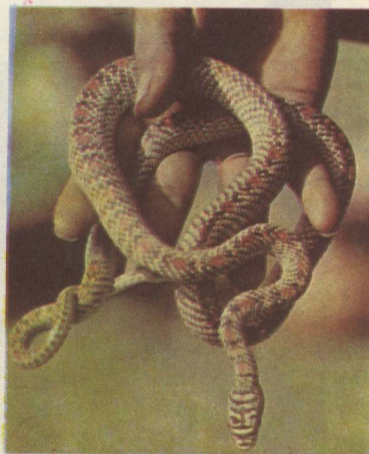
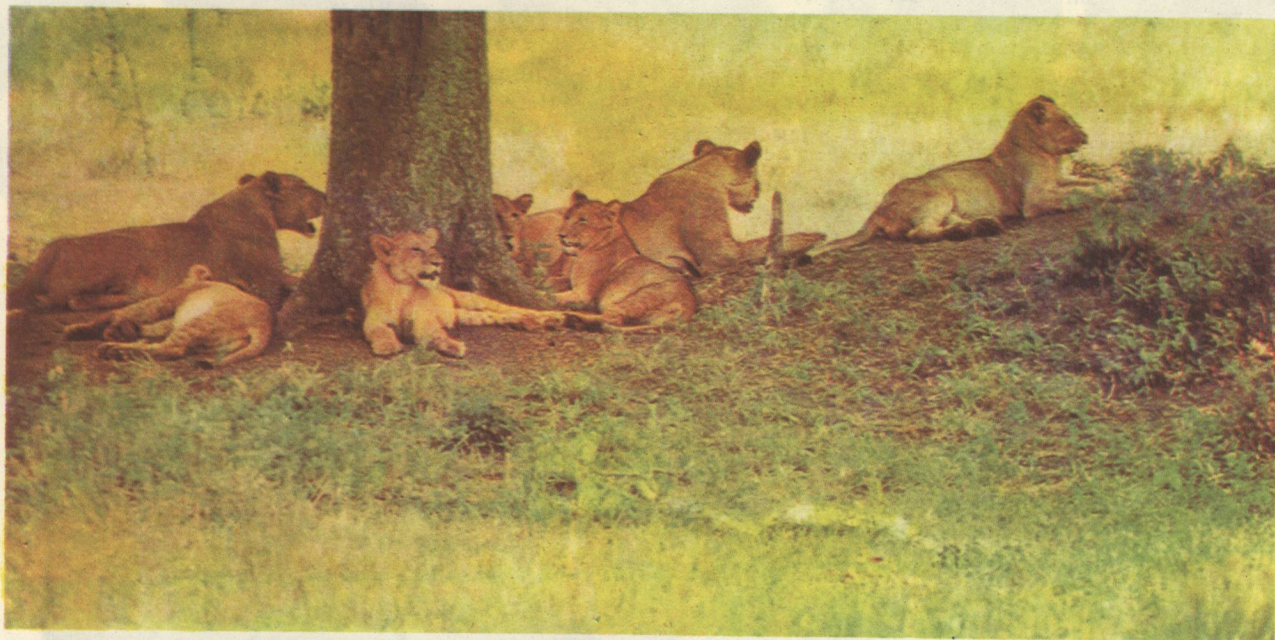
Николай Иванович СЛАДКОВ

Натуралист. Следопыт. Исследователь. Так можно охарактеризовать писателя Николая Ивановича Сладкова.

Его книги открывают перед нами таинственный неповторимый мир природы, ее маленькие и большие тайны и секреты. Чтобы суметь их разглядеть и раскрыть, надо обладать не только знаниями, но и зорким, приметливым глазом, огромным терпением, а порою и незаурядным мужеством. И еще одним даром — даром удивления. Сладков щедро наделен всеми этими качествами. В каждой книге он предстает как зачарованный первооткрыватель, который поэтически рассказывает о своих находках и открытиях.

Любая его книга — приглашение, зов в неведомую для нас страну. А все вместе они повествуют о взаимосвязанности, непрерывности, многообразии мира природы. Знакомят нас с жизнью леса и пустыни, подводного царства и высоких гор.

Читать книги Сладкова легко и радостно. И потому, что он

Эти фотографии для книги
сделал сам автор

умеет показать новое, незнакомое через близкое и понятное нам. И потому, что повествование его пронизано любовью к тому, о чем он говорит, и это легко передается юному читателю.

«Чтобы беречь землю, природу, — говорит Николай Иванович Сладков, — надо ее полюбить, чтобы полюбить, надо узнать. Узнав, — невозможно не полюбить. В этом считаю смысл своей работы».

Чтение его книг не только обогащает нас духовно, но и доставляет удовольствие, эстетическое наслаждение.

Почти двадцать пять лет создает Н. И. Сладков книги для вас. Среди них «Трясогузкины письма», «Смелый фотоохотник», «Под шапкой-невидимкой», «В лесах счастливой охоты», «Земля солнечного огня» и множество других.

В 1976 году за книгу «Подводная газета» Николаю Ивановичу Сладкову присуждена Государственная премия РСФСР имени Н. К. Крупской.

МИОМБО

Хотите узнать о звере «с мордой коня, рогами быка, телом антилопы»? Или о растениях, напоминающих слонов? Или о животном, каждое ухо которого весом в сорок килограммов?

Целую россыпь интереснейших эпизодов, больших и маленьких открытий найдете вы в новой книге ленинградского писателя Николая Ивановича Сладкова «Миомбо»... Не правда ли, в самом названии есть что-то манящее, загадочное? «Едем не спеша, с оглядкой. По сторонам лес и поляны. Поляны доверху налиты солнцем. Белеют на них сухие скелеты упавших деревьев. А за полянами занавес леса».

Когда человек умеет наблюдать, слушать и чувствовать природу, когда он не турист, а исследователь, ему в награду за этим таинственным занавесом природы открывается много интересного, трогательного и удивительного.

«Героев» в книге много. И в каждом подмечено что-то необычное. Оказывается, «пот у бегемотов красный, похожий на кровь». А слоны любят играть, как дети. «Вот и сейчас затевают возню: двое, несомненно сговорившись, спихивают третьего в воду. Уперлись лбами в него и жмут, как два бульдозера». И не только слоны, зебры, например, тоже: «Задирают друг друга, брыкаются, катаются по земле, только копыта в пыли мелькают». Мечтательно-грустный покладистый жираф гневается редко. А уж коль рассердится, то может ударить соперника так, что тот с ног летит. И чем бы вы думали? Шеей! От бегемотов совсем уж не ждешь: ухитряются пере-

кусить пополам крокодила! Вот вам и травоядные...

Каждого зверя видишь — у писателя особый дар нарисовать «портрет» животного, сравнить его с чем-то хорошо нам известным. Слоны «этакие глиняные дома без окон. Но изнутри «дома», словно в дверную замочную скважину, подсматривает за тобой любопытный живой глаз». Жирафы «вроде ажурного подъемного крана», буйвол «словно паровоз с рельсов сошел и застрял. Черный котел, вымазанный мазутом».

В книге много забавного, смешного. Невольно улыбаешься, читая, например, о мартышках. «Нахальные черные мордочки, щеки в щетине, лоб наморщен, глаза блестят. Увидев людей, удирают, как мальчишки из огорода. На бегу верещат, огрызаются, строят рожи. Вскидываются столбиком из травы: гонятся или отстали?»

За каждым эпизодом — знания, точные наблюдения. Они нарастают, сливаются и создают неповторимый образ животного. Ну, вот о слонах, например. Поначалу мы узнали, какое они производят первое впечатление, что нам напоминают эти чудо-богатыри с бесшумной походкой, потом приоткрывается жизнь их в стаде, их взаимоотношения. «Чем внушительней слон, тем увереннее обмахивается ушами. Слоны в присутствии взрослых ушами не очень-то хлопают. По слоновьим понятиям это невежливо. За такую вольность можно и по затылку схлопотать...»

Читаешь и не перестаешь удивляться — как

сумел автор подметить, высмотреть, запечатлеть все эти особенки, ухватки зверей? Ведь не годы он там жил — всего месяц! А открыл нам Африку необычную, неожиданную, не похожую на ту, что создало наше воображение. Разве предполагал, например, что дикие животные в Африке — редкость и далеко не каждый африканец видел живого слона или жирафа? И что охотиться на них человек может только находясь в клетке на колесах?

Охотился и писатель. Его «ружье» било без промаха. В этом убеждаешься, разглядывая книгу. Ее украшают редкостные снимки диковинных зверей Африки.

Фоторужье и ружье с патронами... Сколько радости может доставить людям первое, запечатлев чудеса природы, и сколько горя — второе.

Н. И. Сладков донес до нас не только радость, но и печаль открытия неповторимой страны. Вдумайтесь только — за последний век уничтожено девять десятых животных Африки! Сохранение природы, отношение к ней человека — эти вопросы давно тревожат писателя. С горечью пишет он о людях «с поганой привычкой держать палец на спусковом крючке».

«Что, если мы одиноки? — размышляет Н. И. Сладков. — И во всей Вселенной лишь на Земле теплится жизнь? Искра жизни в безжизненном океане...» Поддержать жизнь во всем ее многообразии, не затмить, не затушить ненароком призывает эта увлекательная, необычная, добрая и умная книга.

В. МОРОЗ

Рисунки
М. Беломлинского

ТЕЛЕГРАММА РУЗВЕЛЬТА

В годы президентства Франклина Делано Рузвельта американские военные решили в одном из южных штатов устроить полигон. И именно там, где водился редчайший вид лебедей...

Военных это мало обеспокоило, но запротестовали ученые. Дело дошло до президента. Рузвельт ознакомился с мнениями обеих сторон. Телеграмма, которую вскоре получили военные, гласила: „Вердикт вынесен в пользу лебедей и против армии. Армия должна поискать себе другое место для гнездования“.

ПИСЬМО ДЖЕКА ЛОНДОНА

Джек Лондон был очень обязательным человеком и рукописи своих романов и рассказов всегда сдавал издателям в срок. Но однажды он не смог этого сделать. Издатель написал ему: „Дорогой сэр! Если через два дня я не получу-таки Ваш рассказ, то собственными руками порву договор. В отличие от Вас я всегда держу свои обещания...“

Джек Лондон ответил: „Дорогой сэр! Если бы и я делал все только руками... Но в отличие от Вас мне приходится работать еще и головой...“

ЧЕМПИОНАТ-77

Борьба за выход в финал вступает в решающую стадию. Успех или неудача? Все зависит от вашей настойчивости, рыцари!

Вот что несет шестой тур шахматистам.

А. Белые: Kpg8, Лс5, Лг4, Сг5, Кб8, Кс3; черные: Крд6, п. е7. Мат в 2 хода. Автор — Ю. Селявкин (Воронеж).

Б. Белые: Kpg2, Лс8, пп.с3, d6, f6; черные: Крh4, пп.d7, f7, g3, g4, g6, h5. Мат в 8 ходов. Автор — Ю. Башлыков (Белово).

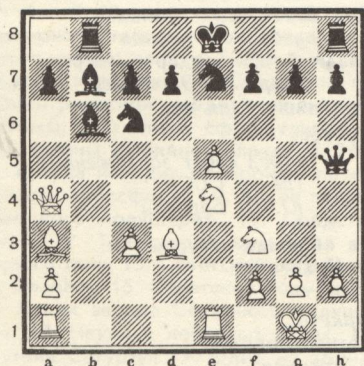
Шашистам нужно решить две концовки. В обеих — победа белых.

А. Белые: с3, с7, е3, г1; черные: а5, f2, f6, h4. Автор — С. Ковалев (Раздольное).

Б. Белые: а1, е5, f4, g5, h4, h6; черные: а3, с3, с7, е7, f2, h8. Автор — С. Мальцев (Новосибирск).

УГОЛОК ЗАЯДЛЫХ СПОРЩИКОВ

Зайдя сюда, любители поспорить увидели расставленные шахматы:

— Вот где будет бой! — воскликнул Сеня Коркин. — Черные фигуры нацелились на белого короля, а белые — на черного.

— Мало ли что нацелились! — возразил Коля Гребецкий. — А я бы за любых защитился. Против кого угодно защитился бы!

— Ты? Садись, доиграем! — занес руку над ладьей Сеня.

И тут появился Ферзьбери.

— Остановитесь! — сказал он. — Эта партия уже давным-давно доиграна. Знаете когда? Ровно 125 лет назад! Белыми играл лучший шахматист того времени — Андерсен, а черными — тоже очень сильный игрок — Дюфрень. И Андерсен так великолепно провел атаку, что восхищенные современники назвали эту партию неувядаемой. Хотите, покажу ее всю?

— Конечно! Очень! Пожалуйста! — раздался голос.

— Ну вот. Начало было такое — 1.e4 e5 2.Kf3 Kc6 3.Cc4 Cc5 4.b4.

Это — гамбит Эванса. В нем белые ради инициативы жертвуют пешку. 4... С:b4 5.c3 Ca5 6.d4 ed 7.0—0 d3 8.Фb3. Белые отказываются тратить время на отыгрыш пешки и сразу выставляют ферзя на грозную позицию 8... Фf6 9.e5 Фg6 10.Ca3 Kge7 11.Лe1 b5. Черные первыми «открывают огонь прямой наводкой», но их фигуры развиты хуже и потому они терпят неудачу. 12.C:b5 Лb8 13.Фa4 Cb6 14.Kbd2 Cb7 15.Ke4 Фf5 16.C:d3 Фh5. Вот и получилось стоявшее на доске положение (см. диаграмму), в котором Андерсен с изумительной прозорливостью осуществил эффектную матовую атаку. 17.Kf6+! g1 18.ef Лg8 19.Лad1 Ф:f3 20.Л:e7+! К:e7 21.Ф:d7+!! Прекрасный ход! Белые, уже отдали коня и ладью, а теперь жертвуют и ферзя. Зачем? Чтобы окончательно взломать вражеские бастионы. 21... Кр:d7 22.Cf5++. Двойной шах — это шахматная бомба! Крe8 23.Cd7+ Крf8 24.C:e7X.

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание!

Расставь фигуры так — белые: Крf2, Ле3, Сс4, п.е5; черные: Крг8, Лh6, Ch3, п.е6. Всего поровну, не правда ли? Кажется, будто партия приближается к ничьей. Однако это не так. Белые могут использовать некоторые особенности в расположении фигур и нанести противнику убийственный удар. Как же им лучше сыграть?

КТО СКАЗАЛ ЧТО?

Одну из четырех задач Юрия Селявкина Ферзьбери включил в шестой тур чемпионата, а три другие отложил на

будущее. Их обнаружили Знай, Незнай и Полужнай. И сразу, конечно, расставили на досках:

№ 1. Белые: Крe2, Лd5, Ке6, пп.с4, g2; черные: Крe4, Ce3.

№ 2. Белые: Крb4, Фе3, Cb6; черные: Кра6, Кd6, пп.а7, b7.

№ 3. Белые: Крc8, Фd6, Cd7, Кc5, Кс6; черные: Крb5, пп.а5, d2.

— Все ясно! Чтобы дать в них мат, потребуется пять ходов! — закричал (кто?).

— Это смотря как будут играть черные! А то и десяти не хватит! — закричал (кто?).

— Десяти? Ты что? Тут везде в два хода мат! — закричал (кто?).

Доблестные рыцари! Что утверждал Знай?

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 4 решаются так.

Чемпионат. Шахматы. А. 1.Ke6 Ce7 (если С:e3, то 2.Фf1!) 2.Kd4! Б. 1.Лg6! и если 1... Сg5, то 2.Лf2!; если 1... Ch2, то 2.Лgg2!; если Ce3, то 2.Лg3!; если 1... Сg3, то 2.Лh6. Шашки. А. 1.c7 g7 2.d8 h6 3.h4 b6 4.f2 a5 5.e1 g5 6.d2 h4 7.e1X. Б. 1.b6 fe7 2.a7 d6 3.b8 c7 4.a7 e5 5.e3 d6 6.h6! d4 7.f8 e5 8.g7X.

Оруженосцам. 1.Фh6+! gh 2.Cf6X.

ПРИКАЗ № 6

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Всем рыцарям и оруженосцам отослать рапорты до 1 сентября.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Рисунки Г. Ясинского

ШКОЛА МАШИ- ИСКУСНИЦЫ

ПОДАРКИ К ФЕСТИВАЛЮ

Уже давно многие умельцы и рукодельницы готовят свои подарки и сувениры для делегатов Международного детского фестиваля «Пусть всегда будет солнце!». И значит, наше очередное занятие будет для тех, кто еще раздумывает, что подарить на память нашим зарубежным друзьям.

Смотрите, какую красивую можно вышить нашивку на карман рубашки или на рукав?

А этого Чебурашку с глазами из двух пуговиц — большой светлой и маленькой темной — сумеет выкроить и сшить из искусственного меха даже начинающая портниха.

Не отстанут от портных и вязальщицы. Вот какого веселого Колобка, без рук, без ног, но с улыбкой от уха до уха, смогут они связать из обыкновенной разноцветной шерсти.

А если ты умеешь выжигать по дереву, можешь изготовить целую картину — панно. Но, пожалуйста, не увлекайся размерами. Помни: подарку предстоит длинное путешествие, везти громоздкую вещь неудобно.

Но самый мой главный совет — побольше выдумки и фантазии. Подарок должен быть радостным и нарядным.

Но что делать тем, кто еще недостаточно искушен в ремеслах? Даже за одну лагерную смену есть возможность многому научиться у своих воспитателей и вожатых. Сколько полезного даст вам поход по соседним деревням и селам, где живут старые народные умельцы. В одном селе вас научат, как сделать из бересты нарядный туесок или корзиночку. В другом — как сплести из соломки фигурки сказочных персонажей.

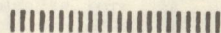
А настоящая глиняная потешка? Точеная игрушка или посудина, расписанные красками и украшенные выжиганием? Думаю, что такой сувенир понравится твоему зарубежному другу.

СОДЕРЖАНИЕ

«Все лучшее, что у нас есть, — детям!»	
страницы побед Октября	2
Отстающая Лаврёнова	
главы из повести	
С. Иванова	6
У нас много общего	
очерк Г. Цветкова	18
Барабан	
журнал юнкоров	20
Пахари, ставшие деревьями	
очерк Е. Кисельер	24
Стихи	
Г. Калужного	26
Беглецы	
отрывок из повести	
Айрин Хант	28
Морская газета	40
Хлеб — всему голова	
фотоочерк В. Гусева	42
Киноклуб	44
Лесик	
рассказ натуралиста	
А. Батуева	48
Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА	50
По реке Марка Твена	
путевые заметки	
Б. Гесселя	51
Зеленые страницы	
поиск	54
Два хвастливых великана	
узбекская сказка	56
Главный бомбардир «Иверии»	
очерк М. Эстерлиса	58
Они пишут для вас	60
Арчебек	
отдел ведет заслуженный	
тренер СССР	
Ю. П. Барский	63

На обложке рисунок
Г. Никеева

Макеты
фоторазворотов
художника
Б. Петрушанского

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
Г. В. БАЛУЕВ,
В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ,
Т. В. ЗАХАРОВА,
Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Л. Н. ПОЖИДАЕВА,
Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ,
Т. Н. ФЕДОРОВА (зам. гл. редактора),
Н. А. ХОДЗА,
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор
В. А. МАЕВСКАЯ

Рукописи и фотографии не возвращаются
Адрес редакции: 193015, Ленинград, Таврическая, 37, телефон 274-93-84

М26432. Сдано в набор 4/III 1977 г. Подписано к печати 29/IV 1977 г. Формат 60×90/8.
Печ. л. 8. Уч.-изд. л. 9,7. Тираж 570 000 экз. Заказ 342. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Ленинград, 197101, ул. Мира, 3

Составил и оформил
В. Уфлянд

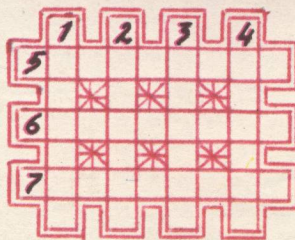
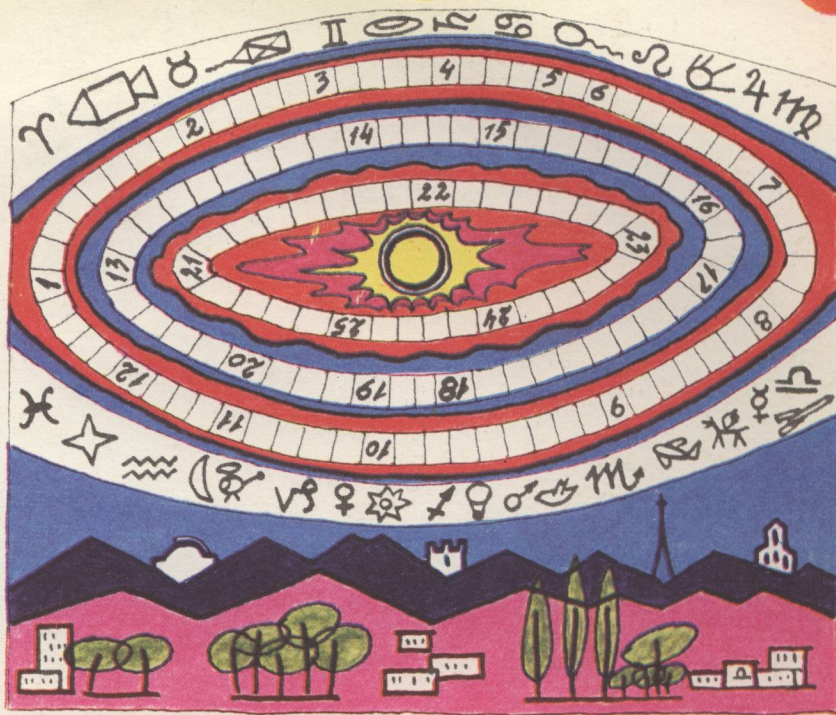
Экспедиция клуба достигла Армении. В результате путешествия по ее долинам и горам сокровищница клуба изрядно пополнилась. В память о посещении знаменитой Бюраканской обсерватории путешественники увозили с собой большой космическо-астрономический чайнворд, включающий в себя чайнворды Варткеса Арзуманяна и Маши Газарян из Баку, Лиды и Артура Хабибрахмановых из Казани и Сергея Мыздрикова из Челябинской области.

1. Инструмент для фотографирования звезд. 2. Гипотетическая планета, взорвавшаяся в результате катастрофы. 3. Ученый, открывший закон всемирного тяготения. 4. Точка, противоположная зениту. 5. Одно из созвездий эклиптики. 6. Создатель гелиоцентрической модели солнечной системы. 7. Ученый, сформулировавший законы движения планет. 8. Точка, откуда исходит метеорный поток. 9. Часть атмосферы. 10. Яркая звезда Северного полушария. 11. Средство связи. 12. Траектория вращения небесного тела. 13. Советский астроном. 14. Планета. 15. Советский космонавт. 16. Яркая звезда Северного полушария. 17. Наука о небесных телах. 18. Спутник Сатурна. 19. Одно из зодиакальных созвездий. 20. Одна из малых планет. 21. Созвездие. 22. Синоним термина «малая планета». 23. Спутник Марса. 24. Самая яркая звезда. 25. Одно из названий Луны.

В одном из хранилищ древних рукописей экспедиции посчастливилось найти старинную задачу:

Скупой богач раздобыл 9 одинаковых монет, но, зная, что одна из них фальшивая и легче других, мучился до самой смерти, однако так и не додумался, как отличить, какая именно. Тем не менее даже самый начинающий мудрец, подумав, должен найти способ всего двумя взвешиваниями на весах без гирь определить фальшивую монету.

Кроссворд Игоря Ларионова из Еревана привлёк внимание клуба тем, что во всех словах кроссворда повторяется только одна гласная «О».

1. Документ о взаимных обязательствах. 2. Ударное сигнальное приспособление. 3. Птица. 4. Название известной сказки. 5. Русский ученый. 6. Вращающееся течение. 7. Инструмент для сверления.

Ковер-самолет вновь набирает высоту. Участники экспедиции посылают всем шифровку, составленную

по способу, предложенному Виктором Франком из п. Покровка Киргизской ССР.

31—11—19—13—42—48—31—
11—26—42—25—41—38—13—13—
38—33—26—38—43—19—29—48—
49—43—24—11—38—23—31—26—
38—29—26—22—18—26—38—49—
45—34—28—35—48—38—26—49—
24—26—35—18—46—32—48—37—
31—13—42—26—29—25—41—38—
13—22—43—19—29—13—33—26—
29—48—38—23—19—29—11—33—
48—24—23—31—13—49—38—23—
49—33—13—48—47—29—26—12—
26—31—48—37—36.

Ключ к шифровке прилагается.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	А	Ш	О	Ъ	К	Э	Ё	У
2	4	Б	Ь	Л	,	Е	Ф	Ж
3	Н	Ц	В	;	Д	И	Т	З
4	Ч	М	Ы	Г	Я	Ю	Х	С

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 5

Загадки Хуткунчулы: Эхо. Слово.

Задача: Пусть расстояние от деревни до города равно X км. Если юноша проехал Y км, то ему остается проехать $(X-Y)$ км. Если бы он проехал $3Y$ км, то ему осталось бы ехать $(X-3Y)$ км. По условию $X-3Y$ вдвое меньше, чем $X-Y$. Следовательно: $X-Y=2(X-3Y)$ или $X-Y=2X-6Y$. $Y=\frac{1}{5}X$. Старик проехал Z км. Остается ехать $(X-Z)$ км. Если бы он проехал $\frac{Z}{2}$ км., то ему осталось бы $(X-\frac{Z}{2})$ км. По условию: $(X-Z)3=X-\frac{Z}{2}$, отсюда: $Z=\frac{1}{5}X$. Значит, $Z>Y$, то есть старик ехал быстрее, верхом на коне.

Решение головоломки Светы Сидоркиной:

Н	Е	П	Е	Р	О	М	П	И	Ш	У	Т	А	У	М	О	М
У	Н	А	Д	У	В	Я	Л	Д	А	С	Р	Г	К	Г	М	О
Г	О	Р	О	К	О	С	О	Л	Т	О	А	О	Л	А	Р	
А	Т	К	К	А	Д	О	Т	Л	Ь	А	С	Т	Р	А	Р	Е
Р	А	А	З	А	Н	О	Г	Т	Н	А	Ь	А	З	С	Х	

Фестиваль везде!

Везде пройдут митинги солидарности, Дни труда, конкурсы рисунков на асфальте, спортивные соревнования. И, как каждый большой праздник, фестиваль в твоём пионерском лагере начнется с парада.

Значит, чтобы придать всем сооружениям пионерского лагеря праздничный, фестивальный вид, надо начать с пионерской линейки.

Трибуны могут быть оформлены разноцветными стягами и эмблемами фестиваля, красочно написанным названием — девизом фестиваля. Лозунги «Мы — дети революции, наследники отцов», «Двадцать лет по пути мира и дружбы» — тоже актуальные лозунги. В этом году исполняется 20 лет со дня создания СИМЕА, Комитета по детским и юно-

шеским организациям при Всемирной федерации молодежи.

Праздничным должен быть и вход в пионерлагерь: плакаты, фестивальная ромашка, изображения пионерских и спортивных значков разных стран.

Рисунки
Ю. Бочкарева